Липецко-Елецкая епархия

Задонский паломник

№ 35 2004 г.

По благословению епископа Липецкого и Елецкого Никона

ПРАВОСЛАВНЫЙ АЛЬМАНАХ ЗАДОНСКОГО РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЦКОГО МУЖСКОГО МОНАСТЫРЯ

Оставь любопытствовать, что делается в том или другом месте; озаботься узнать, при помощи слова Божия, что делается в душе твоей, к какой ты идешь окончательной цели, к погибели или ко спасению, на каком пути ты находишься, на пути ли праведных или на пути нечестивых?

Святитель Тихон Задонский

В НОМЕРЕ:

МОЛИТВАМИ СВЯТИТЕЛЕЙ ВЕЛИКИХ
Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона

СВЯТИТЕЛЬ ТИХОН НА ВОРОНЕЖСКОЙ КАФЕДРЕ

НАСЛЕДИЕ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ЗАДОНСКОГО
«Из наставлений священникам»

КАК ПРИНИМАТЬ НЕСПРАВЕДЛИВОСТЬ

ЧЕЛОВЕК БОЖИЙ
Из воспоминаний о схиархимандрите Виталии

ХРИСТИАНАМ О ХРИСТИАНСТВЕ
Из бесед с Кавказским пустынником
«Средство борьбы с "не могу"»

НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ
Заповеди блаженства

ДОБРЫЙ ПАСТЫРЬ
Жизнеописание священника Иоанна

ПАМЯТЬ СВЯТИТЕЛЯ ТИХОНА ПОЧИТАЯ...

ПО МОЛИТВАМ ВЛАДЫКИ
Слово на панихиде

СВЯТО-ТРОИЦКИЙ ТИХОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ МОНАСТЫРЬ
Часть 5

СЕРДЦЕ ИСТИНУ ИСКАЛО...
Рассказывают паломники

ОБЫЧАЙ ПРОЩЕНИЯ ОБИД

ХРИСТИАНСКАЯ ПОЭЗИЯ

и другое...

Молитвою прогоняем печаль и скорбь. Как бо отраду получаем некую, когда верному нашему другу сообщаем нашу скорбь: так или много более получаем утешение, когда скорбь нашу преблагому и милосердному Богу объявляем и просим от Него утешения.

Святитель Тихон Задонский

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВУ,
ЕПИСКОПУ ЛИПЕЦКОМУ И ЕЛЕЦКОМУ
Н И К О Н У

Ваше Преосвященство, дорогой Владыка!

Сердечно благодарю Вас за поздравление и благие пожелания в связи с Нашим 75-летием и Тезоименитством.

Взирая на Свой жизненный путь и служение Церкви Христовой, могу сказать словами святителя Иоанна Златоуста: «Слава Богу за все» - и за то дело, которое совершается, и за радости духовные и за скорби, которые неизбежно сопутствуют каждому из нас на нашем жизненном пути.

Сколько Господь даст сил, буду в дальнейшем неустанно трудиться на благо Церкви Христовой, Отечества и народа нашего.

Выражая Вам благодарность за внимание, молитвы и труды, дорогой Владыка, желаю провести время Великого поста с пользой для души и в радости встретить спасительный праздник Пасхи Христовой.

С любовью о Господе,

ПАТРИАРХ МОСКОВСКИЙ И ВСЕЯ РУСИ

февраль 2004 г.
г. Москва

Молитвами святителей великих

Проповедь епископа Липецкого и Елецкого Никона.

Христо-Рождественский собор, г. Липецк, 12 февраля 2004 г.

Сегодня мы вспоминаем память трех святителей: Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста. Жизнь каждого из них поистине удивительна – они были высоки духовно и в области наук имели широкие познания. Но после их смерти христиане начали спорить: кто из святителей больше пред Богом. Тогда митрополиту Иоанну было откровение свыше, что эти Святители между собой равны и нужно создать им единую службу. Поэтому кроме отдельных трех праздников в честь каждого из Святителей один раз в году мы служим еще всем им вместе.

Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст оставили нам после себя молитвословия и наставления. Учение их всегда у нас пред глазами, а у некоторых, может быть, и в сердцах. Они поучают нас, чтобы молиться нам было бы не в тягость, а в утешение, чтобы мы искали Царство Небесное не в слове, а в духе. Краткая молитва, сказанная от души, часто намного ценнее, нежели та, которую мы постоянно твердим, думая, что служим службу Господу, а сердцем в тот момент далеко отстоим от Него – поэтому Он не слышит нас.

Если мы впадаем в какую-либо скорбь, нужно прийти к иконе со слезами, с воздыханием попросить Господа или святых Его своими словами – и мы увидим

великую милость Божию: Господь исполнит наше прошение. Но надо лить слезы не от безсилия, ярости, жалости или от безысходности – нет, нужно плакать пред Господом и Матерью Божией о греховности своей и своих чад. Нужно, чтобы слезы шли не только из глаз, но и из души, чтобы сердце плакало! Только «сердце сокрушенно и смиренно» Господь принимает и обязательно исполняет просимое (сравн. Пс. 50, ст. 19).

Жизнь Святителей, которых мы сегодня вспоминаем, высока в духовном плане. Они являют нам пример святости, самоотверженности. Святитель Иоанн Златоуст, подвизаясь в пустыне с монахами, прожив жизнь, полную скорбей, гонений, избиений, уничижений – перед смертью сказал: «Слава Богу за все!»

А мы что же? Как только происходит с нами какое-то несчастье или подступает скорбь, приходим в отчаяние, в такую растерянность, в тупиковое состояние, что забываем призывать Бога и оставляем свое молитвенное правило. А, может быть, и ропщем от обиды в слезах: «Почему Господь это попустил?! Почему Он попустил всему этому быть у меня?! Ведь я хожу в храм, причащаюсь!..»

Одна женщина обожала своего ребенка. Однажды она сказала про него: «Вот моя радость! Утешение! Вот мой бог!» И ребенок, который в это время ел котлету, тут же за столом умер – в дыхательные пути попала крошка. Несколько дней после этого мать безутешно вопияла: «Господи, зачем Ты отнял у меня мою радость, мою жизнь?! Я жила только своим сыном! Зачем Ты мое утешение отнял?!» Так плакала она, придя в храм, перед иконой Спасителя. Вдруг задремала и видит: на лужайке играют дети, и среди них – ее сын. Она зовет его по имени, кричит: «Иди ко мне!» Он бежит к ней: «Мама!» Но вдруг останавливается в нескольких шагах и изумленно говорит: «Ой, мам, какая ты грязная!» Она: «Сынок, это я – мать твоя!» Ребенок отвечает ей: «Мам, я не могу к тебе – ты грязная»...

Если бы мы видели себя со стороны – какие мы зловонные, нечистоплотные, все в струпьях беззакония и скверны, блуда и убийства! И мы приходим в храм... Да мы недостойны даже взирать на икону и просить Господа! Но мы имеем дерзновение, как та кровоточивая женщина, о которой повествуется в Евангелии – она подошла и прикоснулась к Самому Богу! Мы же, идя в храм Божий, должны быть чистыми: чистыми телесно, духовно подготовленными – через молитву, чтение Священного Писания, пост, поклоны. Мы должны готовить себя, прежде чем прийти сюда. Евангельская кровоточивая женщина много лет болела, вся высохла, все средства свои истратила на врачей. Она не знала, что делать. Долго, ходя в толпе за Господом, не решалась подойти к Нему – она понимала, что не имела права прикасаться к одеждам Христа. А мы возле дверей храма стерли помаду и идем причащаться с лоснящимися, масляными губами с остатками парфюмерии по краям! Как мы дерзаем подходить к Богу, да еще соединяться с Ним?! Откуда же тогда у нас может быть здоровье, семейное и материальное благополучие, счастье, мирная жизнь, если мы нечистыми дерзаем прикасаться ко Господу, а, выйдя из храма, снова возвращаемся к прежней греховной жизни? За воротами церковной ограды мы опять начинаем мазать, красить, малевать себя, чтобы быть такими, как все, как этот мир, который окружает нас, – грешный, лукавый и прелюбодейный. Мы, дерзающие подходить к иконам, – развращенные, двуличные, лицемерные, скверные, порочные...

Но когда нужда заставляет нас прийти ко Господу и просить помощи, Бог являет нам величайшую милость: как Он остановил кровотечение женщины, которая прикасалась к Нему, так и нам подает исцеление, вразумление и дарует откровение, как спасти себя и своих детей.

Поэтому раз уж мы пришли в храм на службу хоть на несколько часов, будем же молиться, просить Господа простить наши согрешения и исправить нашу порочную жизнь, будем каяться: «Отче, я согрешил пред небом и пред Тобою!» (Лк. 15; 18). Попросим и святых угодников Божиих,

чтобы они ходатайствовали о нас пред Господом. Будем молиться: «Святители Христовы Василие Великий, Григорие Богослове и Иоанне Златоусте, молите Бога о нас!» Аминь.

Святитель Тихон на Воронежской кафедре

Святитель Тихон управлял Воронежской епархией только 4 года и 7 месяцев, а затем удалился на покой, сначала в Толшевский Спасо-Преображенский, а потом в Задонский Богородицкий монастырь, где подвизался до самой кончины, более 13 лет. Здесь созрели лучшие его творения; здесь его пастырские и аскетические добродетели достигли наиболее полного выражения. «Но изумительна, – замечает один из описателей жития Задонского чудотворца, – деятельность Святителя и на кафедре Воронежской. Не долго управлял он паствою, но как много, несмотря на свои болезни, успел совершить!»[1] Особенное внимание Святитель Тихон обратил на подготовку достойных пастырей. Извещенный о том, что некоторые из духовных лиц не умеют правильно совершать службу Божию, Святитель предписал надзиравшим за духовенством лично освидетельствовать, как совершается служение, и неопытных прислать к нему. «Являются ко мне, – писал он 9 августа 1763 года, – многие священники и диаконы, которые крайне не знают Евангелия и Апостола чести. Не читаючи Нового Завета не можно знать воли Отца Небесного, а не знаючи невозможно исполнять, а от неисполнения воли Его святой следует явная погибель. Того ради приказывается всем обретающимся в епархии лицам духовным иметь каждому у себя Новые Заветы и читать их с благоговением и прилежанием». В феврале 1763 г. по епархии было разослано составленное им наставление священнослужителям об их главных обязанностях, наставления о браках и об исповеди, образцы увещания больным и подсудимым. Для возбуждения ревности к исполнению своего долга он разослал священникам окружное послание с увещанием жить во взаимной любви, трезво и благоговейно, назидать народ богослужением, жизнью и наставлениями. Святитель предписывал духовенству не совершать незаконных браков, им была разослана особая «инструкция» по сему предмету. Узнав, что некоторые из священников уезжают в воскресные и праздничные дни на ярмарки, Святитель не раз на-

казывал им не отлучаться из прихода без разрешения начальства. Им было предписано непременно отправлять Литургию Преосвященных Даров в Великий пост, что некоторые не делали по лени. Заботясь о пастырях, Святитель не забывал и о церковном благолепии, о том, чтобы храмы Божии содержались в чистоте и порядке, поручил диаконам попечение о ризницах.

Для того, чтобы подготовить достойных служителей алтаря Божия, Святитель принимал деятельные меры к развитию и правильной постановке духовного образования. Сперва предписано было открыть по всем городам славянские школы, училища в Острогожске и Ельце. Затем, когда назначена была сумма на содержание училищ, открылась Семинария в Воронеже. Для нее вызваны были наставники из Киева и Харькова, начертан порядок преподавания наук, дана инструкция воспитанникам и учителям. Преосвященный часто сам посещал классы, рекомендовал лучшие произведения духовной литературы для толкования юношеству, давал собственные предписания относительно поведения учеников.

Святитель внимательно следил за тем, чтобы в Консистории не притесняли духовных лиц. Он строго запретил чиновникам Консистории грубо и дерзко обращаться со священниками. Для скорейшего и более верного решения дел он назначил для уездных правлений второго члена, предоставив выбор его духовенству. В судебных определениях Святителя видели не столько суд, карающий грех, сколько пастырскую заботу об исправлении виновного. «Хотя и следовало бы, – писал он в ноябре 1764 года, – священника (за тяжкую ссору) перевесть (в другое место), однако же оставляется на прежнем месте, чтобы дом не разорился... Отпустить с подпискою, чтобы крайне берегся ссоры, в которой не следует приступать и к алтарю, по слову Христову».

В обычае тогда было подвергать и духовных лиц телесному наказанию в Консистории. «Не чинить на теле никакого наказания», – писал Святитель о священниках в Консисторию в сентябре 1764 г.

Ревностный Святитель старался поддерживать христианское благочестие в народе. «По заамвонной молитве на литургии, – писал он 14 июля 1763 года, – в каждый воскресный и праздничный день читать или толковое Евангелие, или из другой книги, принятой Святой Церковью, или хотя полезное слово Пролога; в иные воскресные дни читать по сле-

[1] Филарет (Гумилевский), архиеп. Русские святые, чтимые всею Церковью или местно. Опыт описания жизни их. Чернигов, 1863.

дованной Псалтири весьма полезное, возбудительное для сонной и нерадивой души слово Святителя Кирилла Александрийского «На исход души». Святитель рассылал по епархии краткие наставления для чтения в церквах: «Како подобает в святой храм входить на славословие»; «Что всякому христианину от младенчества до смерти в памяти всегда содержать должно»; «Примечания некая для возбуждения себя от сна греховного»; «Объяснение христианских обязанностей». Святитель предписывал духовенству внимательно следить за тем, чтобы прихожане приходили в храм в воскресные и праздничные дни и на службе стояли бы благоговейно, заботился преосвященный Тихон и о том, чтобы не было безчиний на площадях, особенно в праздничные дни. Узнав, что по местам миряне во время службы Божией пьянствуют, шумят и поют песни, Святитель 16 июня 1765 г. предписал священникам удерживать прихожан от таких безобразий, а о непослушных доносить ему. Ревностно восставал он против безчинств масленицы. В то время в Воронежском крае еще продолжали совершать разгульное празднование, посвященное языческому божеству Яриле. «Праздник» начинали в среду после Троицына дня и продолжали до вторника Петрова поста. Жители Воронежа и соседних поселений собирались на площадь, бывшую за Московскими воротами города. Молодой человек с бумажным колпаком на голове, обвязанный лентами, цветами, колокольчиками, плясал на площади, и с ним все плясало и бесновалось – являлись пьянство, кулачный бой, драки и всякое безобразие. Святой пастырь сам явился на площадь с обличением против «смердящего» праздника и говорил с такой силой убеждения, что тут же шалаши и лавки были разрушены и народ разошелся. После этого преосвященный Тихон произнес в соборе проникновенное слово, во время которого народ плакал. Многие, увлеченные древностью языческого обычая, в смысл которого не вдумывались, приходили к Святителю и каялись в сокрушении сердца. Ревностная проповедь пастыря увенчалась полным успехом: празднование Яриле более не повторялось... «Деятельность Святителя, – пишет митрополит Евгений (Болховитинов), – простиралась до того, что он никогда не бывал празден и, когда по пастырству требовались какие-нибудь приуготовления, то часто проводил он целые ночи без сна и не мог успокоиться, пока не окончит своего дела. Поутру обыкновенно занимался он рассматриванием епаршеских дел, и безпристрастие его в суде было примернейшее. После обеда, по кратком сне, он упражнялся почти всегда до полуночи в сочинении поучений, наставлений и увещаний своему духовенству и народу. Вместо отдохновения, занимался он чтением святых отцов, а наипаче Златоуста... Для собеседования с приезжающими к нему меньше всего употреблял он времени, да и самые свои собеседования занимал больше благочестивыми и нравоучительными рассуждениями. Но людям бедным всегда был свободный к нему доступ. Чувствительное сердце его никаким предметом столь страстно не занималось, как вспоможением бедности и утешением скорби. Не довольствуясь частым приниманием бедных в своем доме, он еще имел обыкновение каждый праздник Пасхи, Рождества Христова и в иные некоторые дни, как-то: в неделю мясопустную и во все заговенные дни рассылать по нескольку денег в богадельни, в остроги и к другим заключенникам. Иногда сам даже, переодеваясь в простое монашеское платье, по вечерам в помянутые дни приезжал в тюрьмы к узникам, как бы посланный от своего имени, и, подавая им милостыню, делал им притом словесные к терпению наставления, увещания и утешения. Темнота ночи сперва не позволяла узникам узнавать сего высокого милостынодавца и утешителя; но когда, по нескольких посещениях, они начинали узнавать его или по сладкословесным его увещаниям, или по слуху народному, то он прекращал на несколько времени свои к ним приезды и вместо себя посылал подчиненных своих монахов»[2].

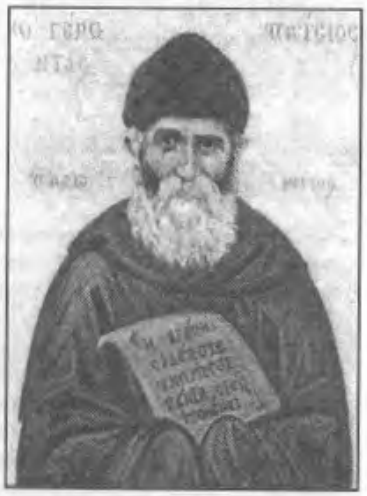
[2] Евфимий Болховитинов, прот. Полное описание жизни Тихона, бывшего прежде епископа Кексгольмского и Ладожского викария Новгородского, а потом Воронежского и Елецкого, собранное из устных преданий и записок очевидных свидетелей, с некоторыми историческими сведениями, касающимися до Новгородской и Воронежской иерархии. СПб., 1796.

Наследие святителя Тихона Задонского

Из наставлений священникам

Юн еси – храни чистоту души и тела, на лица девические и женские не смотри прилежно, да не сатана сердце твое возмутит. Слова праздного, шуток, смехов и всяких игр берегись; думай всегда, что пред лицом Божиим ходишь и Бог всегда на тя смотрит, дело, слово и помышление твое все ясно видит. От обедов и собраний удаляйся, да убежишь греха. Где смехи, шутки и речи о людях бывают, от того места убегай. На помины и прочие обеды не ходи, а, только отправив погребение в церкви, в дом беги, понеже в тех поминах обеденных много бывает соблазна и словом и делом; *горе бо тому, ими же соблазни приходит*, глаголет Христос. Что священники, братья твои, делают и прочие лица, не смотри, но внимай, что Христос учит и повелевает. Часто поминай Христовы страсти: что Он и сколь страшное подъял за нас мучение. Нищих не забывай, но чем можешь снабдевай. В служении, а паче в литургии, всегда тщись со умилением и страхом стоять: помни, что пред Богом страшным стоишь и молишься о себе и о людях; также Тайны Святые совершай весьма благоговейно. Без дела никогда не бывай, часто Богу молись. Читай часто первое Иоанна Богослова послание – тамо вся должность христианина изображена; такожде к Тимофею послания оба и к Титу послание – тамо служителей Христовых должность описана. Читай и прочие книги; и что ни читаешь, достойно вписывай в тетради, дабы мог в случае людей наставлять.

Как принимать несправедливость



Схимонах Паисий Святогорец (1924–1994)

Надо правильно расположить себя по отношению к несправедливости

– Геронда[1], когда со мной поступают несправедливо, мое сердце ожесточается.

– Чтобы оно не ожесточалось, никогда не думай ни о том, что виноват тот, кто поступает с тобой несправедливо, ни о том, насколько велика его вина, а поразмысли лучше о том, насколько виновата ты сама. Погляди: когда люди ссорятся, каждый из них утверждает, что прав именно он. Поэтому люди и находятся в постоянном разногласии. К примеру, двое идут в полицию и, показывая друг на друга, наперебой утверждают: «Он меня избил!» Однако ни один из них не говорит о том, сколько другому досталось от него самого! Куда там – каждый еще и в суд на своего обидчика подает.

Если бы мы размышляли о том, что величайшую из всех несправедливость подъял на Себя Христос, то мы принимали бы несправедливость с радостью. Будучи Богом, Он по многой любви сошел на землю и на девять месяцев заключил Себя во чреве Пресвятой Богородицы. Потом тридцать лет Он жил в безвестности, с пятнадцати до тридцати работал на евреев плотником. А знаете, какие тогда были инструменты? В те времена пользовались деревянными пилами с деревянными зубьями. Ему давали всякие там доски и говорили: «Сделай одно, сделай другое...» Но каково было строгать эти доски? Попробуй-ка, построгай теми неуклюжими железками, которые употребляли тогда вместо рубанков! Знаешь, какой это был тяжкий труд? И после этого – три года страданий. Ради проповеди исходил Он босиком всю [их землю] вдоль и поперек. Он исцелял больных, брением отверзал очи слепых, а они все требовали от Него знамений. Он изгонял бесов из одержимых, а неблагодарные люди называли бесноватым Его Самого. О Нем было столько пророчеств и предсказаний, Он совершил столько чудес, но, несмотря на все это, в конце концов Его подвергли издевательствам и предали Крестной Смерти.

Поэтому те, кто терпит несправедливость – самые любимые Божии чада. Ведь, терпя несправедливость, эти люди носят в своем сердце потерпевшего несправедливость Христа. В ссылке или в тюрьме они радуются так, словно находятся в Раю, ибо Рай – там, где Христос.

– Геронда, а имеет ли недовольство связь с неблагодарностью?

– Да. Может быть и такое: другие [делая человеку замечание] заботятся о его благе, но он этого не понимает, чувствует себя несправедливо обиженным и выражает недовольство. Если такой человек не следит за собой, он вполне может считать, что с ним поступают несправедливо даже тогда, когда он совершает какую-то оплошность и его просят быть повнимательнее.

Таким образом он может дойти и до безстыдства. Например, монахиня, опрыскивая масличные деревья, наливает в раствор слишком много ядохимиката и сжигает на деревьях листья. Ей делают замечание, а она, вместо того чтобы осознать свою ошибку и сказать: «Простите и благословите», чувствует себя несправедливо обиженной и плачет. «Они поступают со мной несправедливо, – думает она. – Если бы листья на деревьях пожрала саранча, они не сказали бы ни слова.

А сейчас, когда их испортила я, они подняли такой крик! Ах, Христе мой, только Ты меня понимаешь». И давай себе реветь! Такая монахиня даже может испытывать радость, думая о воздаянии за ту «несправедливость», которую претерпела, и благодарить за это Христа! Такое состояние – большое заблуждение.

Радость от принятия несправедливости

– Геронда, чиста ли та радость, которую я испытываю, когда меня распекают за какую-нибудь мою вину?

– Смотри, без ропота, но с радостью и словами: «Слава Тебе, Боже, так мне и надо!» – принимая нагоняй за совершенные оплошности, ты будешь иметь половину радости. Но если тебя ругают незаслуженно, без вины с твоей стороны, и ты принимаешь выговор с добрым помыслом, то твоя радость будет полной. Я не побуждаю тебя к тому, чтобы ты сама напрашивалась на несправедливости, поскольку в этом случае тангалашка низвергнет тебя в гордость, но призываю к тому, чтобы ты принимала несправедливость, когда она приходит сама собой, и радовалась этому.

Существуют четыре стадии отношения к несправедливости. К примеру, кто-то тебя несправедливо бьет. Если ты находишься на первой ступени, то даешь ему сдачи. Если находишься на второй, то чувствуешь в себе очень сильное смущение, но сдерживаешься и ничего не говоришь. На третьей стадии ты уже не смущаешься, а на четвертой чувствуешь большую радость и сильно веселишься душою. Если человека в чем-то несправедливо обвиняют, то, доказав, что эти обвинения несостоятельны, он реабилитирует себя и получает удовлет-

[1] Геронда – уважительное обращение («отец», «старец») – *прим. ред.*

ворение. В этом случае он испытывает радость мирскую.

В жизни духовной иная система измерений. Если ты оставляешь какую-то некрасивую или негодную вещь себе, то чувствуешь себя прекрасно. Если отдаешь ее другому, то чувствуешь себя нехорошо. Если ты [безропотно] принимаешь несправедливость и оправдываешь своего ближнего, то в своем сердце ты принимаешь многажды оправдованного Христа. Тогда по существующему [духовному] закону Христос «продлевает срок аренды» твоего сердца. Он остается в нем и исполняет тебя миром и радованием. Ах, голубчики мои, попробуйте и вы пережить эту радость сами! Выучитесь радоваться не той мирской радостью, а этой – духовной. Когда вы этому научитесь, у вас каждый день будет Пасха.

Нет радости большей, чем та, которую испытываешь, принимая несправедливость. Знаете, как я радуюсь, когда кто-нибудь называет меня прельщенным? «Слава Тебе, Боже, – говорю я, – ведь за эти слова я получу мзду. А вот если меня назовут святым, то я окажусь в должниках». Нет на свете вещи более сладкой, чем [принимаемая тобой] несправедливость!

Однажды утром кто-то постучал в железное клепальце возле калитки моей келии. Было еще слишком рано, чтобы принимать посетителей. Я посмотрел в окно и увидел юношу с просветленным лицом. Я понял, что, раз благодать Божия так его «выдает», значит, он на собственном опыте пережил что-то духовное. Поэтому, хотя у меня и были неотложные дела, я оставил их, открыл ему дверь, завел в келию, принес ему воды и, видя, что в нем скрыто что-то духовное, осторожно начал расспрашивать о его жизни. «Кем работаешь, молодец?» – спросил я его. «Какая там, отче, работа, – ответил он. – Ведь я вырос в тюрьме. Сейчас мне двадцать шесть лет, и большую часть своей жизни я провел там». – «Что же ты такое натворил, что оказался в тюрьме?» – спросил я, и он открыл мне свое сердце. «С детских лет, – начал он свой рассказ, – мне было очень больно видеть несчастных людей. Я поименно знал всех, кто страдает и испытывает нужду, – не только в нашем приходе, но и в других. Наш приходской священник и староста прихода все собирали и собирали деньги, расходуя их на строительство различных зданий, залов, на благоустройство храма и тому подобное, а бедные, нуждающиеся семьи оставались совершенно никому не нужными. Я не берусь судить, была ли действительная нужда во всех этих постройках, но просто говорю о том, что я видел множество обездоленных. Ну вот тогда я и стал тайком брать собранные на пожертвования деньги. Я брал не все, а сколько было необходимо. На ворованные деньги покупал продукты, разные [необходимые] вещи и оставлял это под дверями бедняков. Сразу после этого, не желая, чтобы по подозрению в краже схватили ни в чем не повинного человека, я приходил в полицию и говорил: «Я украл деньги из церкви и их потратил». Больше не говорил ничего. Меня били, называли «шпаной» и «вором», но я молчал. Потом сажали в тюрьму. Так продолжалось несколько лет. В нашем городе тридцать тысяч жителей, все они про меня слышали и иначе, как «шпаной» и «вором», не величали. А я молчал и испытывал радость. Как-то я просидел в тюрьме целых три года. Иногда меня сажали по одному лишь подозрению в краже – без вины с моей стороны, и когда задерживали настоящего преступника, меня отпускали. А если виновного в преступлении, которое я не совершал, не находили, я отсиживал в тюрьме весь полагавшийся этому вору срок. Поэтому, отец мой, я и сказал тебе, что большую часть своей жизни провел в тюрьмах».

> *О, если бы все люди поступали со мной несправедливо! Говорю вам со всею искренностью: самая сладкая духовная радость была испытана мной среди несправедливости.*
>
> *Старец Паисий Святогорец*

Со вниманием выслушав его рассказ, я сказал: «Вот что, парень. Хоть все, что ты мне рассказал, и кажется, на первый взгляд, хорошим, но на самом деле ничего хорошего в этом нет. Больше так не делай. Я тебе кое-что посоветую. Послушаешься моего совета?» – «Послушаюсь, отец», – ответил он. «Из своего родного города тебе нужно уехать,– сказал я. – Поезжай туда, где тебя не знают, – в город такой-то. Я позабочусь о том, чтобы ты сошелся там с добрыми людьми. Начинай работать и по силе помогай обездоленным, делясь с ними последним куском хлеба, потому что это имеет большую цену [чем то, что ты делал до сих пор]. Но даже если человеку нечего дать нищему и у него болит от этого сердце, то он дает ему милостыню высшего порядка. Он дает ему милостыню кровью своего сердца. Ведь если человек дает милостыню из того, что имеет, то при этом он испытывает и радость, а вот если ему нечего дать, то он чувствует в сердце боль». Выслушав меня, юноша пообещал послушаться моего совета и ушел в радостном состоянии духа.

Прошло семь месяцев. Однажды я получил письмо из тюрьмы Коридаллу[2]. Раскрыв конверт, прочитал следующее: «Отец мой, ты, конечно, удивишься тому, что после стольких полученных от тебя советов и данных тебе обещаний я пишу тебе опять из тюрьмы. Но знай, что на этот раз я отсиживаю срок, который уже отсидел раньше. Произошла какая-то судебная ошибка. Слава Богу, что среди людей нет справедливости: ведь если бы она существовала, это было бы несправедливостью по отношению к людям духовным, которые теряли бы тогда небесную мзду». Прочитав последние слова, я поразился этому молодому человеку, который столь горячо взялся за жизнь духовную и столь глубоко постиг глубочайший смысл жизни вообще. Вор ради

[2] Одна из центральных греческих тюрем. – *Прим. пер.*

Христа! Он имел в себе Христа. Он не мог сдержать себя от радости, которую переживал. Он переживал божественное сумасбродство, праздничное веселие!

Вклад в небесную сокровищницу

– Геронда, я, делая какое-то доброе дело, огорчаюсь, если оно не получает у других признания.

– Послушай, но какого признания ты хочешь: от Христа или же от людей? Разве ты можешь получить от чего-либо пользу большую, чем признание Христа? И что за польза в том, что люди будут обращать на тебя внимание? Если люди будут признавать сделанное тобой добро уже сейчас, то потом, в жизни вечной, ты услышишь: «*Восприял еси благая твоя...*» (Лк. 16, 25).

Нам следует радоваться тому, что другие не признают наших трудов и оставляют нас без [человеческого] воздаяния, поскольку Бог учтет эти [по-человечески неоплаченные] труды и воздаст нам за них вечной платой. Поскольку существует Божественное воздаяние, будем стараться сделать какой-нибудь – пусть и малый – вклад в Божию «сберегательную кассу». Несправедливость по отношению к себе мы должны принимать как великое благословение, поскольку за счет несправедливости на наш [духовный банковский] счет перечисляется определенная сумма – в небесное благословение.

– Геронда, а если человек [благодушно] принимает несправедливость по отношению к себе, но не потому, что думает о грядущем Суде, а просто оттого, что считает, что так лучше, то он ведет себя правильно?

– Ну, а разве мысль о том, что так лучше, не приведет его в конце концов к мысли о грядущем Суде? Только пусть он остерегается вести себя так ради того, чтобы быть «просто хорошим человеком», потому что так поступают европейцы[3].

Надо думать о том, что ты – образ Божий и тебе во всем следует быть похожим на своего Творца. Если человека побуждает к действию именно эта мысль, то он движется в верном направлении. В противном случае он подвергается опасности впасть в гуманизм[4] европейцев.

Святое притворство

– Геронда, если сестра скрывает себя, то как я смогу подражать ее добродетели?

– Что же она, по-твоему, совсем глупая, чтобы себя не скрывать? Больший подвиг святые совершали не для того, чтобы приобрести добродетель, но для того, чтобы ее скрыть. Знаете, что делали юродивые ради Христа? Сперва они избегали лицемерия мира сего и вступали в область евангельской истины. Но этого им тоже было мало, и они шли дальше – к святому лицемерию ради Христовой любви. После их уже не занимало ни то, что с ними делали, ни то, что о них говорили. Однако для этого требуется великое смирение. И посмотрите: если человеку мирскому сказать что-нибудь неприятное, он обижается; если не похвалить его за что-то, он расстраивается, тогда как Христа ради юродивые радовались тому, что люди имели о них испорченный помысл.

В прежние времена были монахи, которые притворялись даже бесноватыми, желая скрыть свою добродетель и испортить у других добрый помысл о себе. Живя в Филофеевском монастыре[5] в ту пору, когда он был особножительным, я застал там одного монаха, который прежде подвизался в пустыне Вигла[6]. Поняв, что тамошние отцы догадываются о его аскетических подвигах и духовном преуспеянии, он взял благословение у своего духовника и ушел оттуда. «Ну вот еще! – сказал он, уходя. – Я этими заплесневевшими сухарями сыт по горло. Пойду в какой-нибудь своекоштный монастырь: там и мяса поем, и поживу по-человечески! Дурак я что ли, здесь оставаться?» Так он перешел в Филофеевскую обитель и притворился бесноватым. Его духовные братья[7], услышав, что он сделался «одержимым», стали говорить между собой: «Жаль беднягу – он стал одержимым. Ну а что же: ведь этого и следовало ожидать. Отсюда сбежал: заплесневелые сухари, видите ли, надоели! Перешел в своекоштный монастырь – мяса ему захотелось покушать!» А что же «одержимый»? А вот что: он прожил в Филофее более двадцати пяти лет и все эти годы не готовил себе пищи и не ложился спать. Борясь со сном, он целыми ночами бродил с фонариком по монастырским коридорам. Приходя в крайнее утомление, подвижник останавливался и ненадолго прислонялся к стене, но, только лишь сон начинал его одолевать, он вскакивал и шепотом начинал произносить Иисусову молитву: «Господи, Иисусе Христе...» Потом он продолжал

Панихида у мощей старца-святогорца Паисия.
Женский монастырь в Суроти (вблизи города Фессалоники в Греции).

[3] Говоря о европейцах, Старец не уничижает народы Западной Европы, но желает предохранить нас от господствующего в этих странах духа рационализма.

[4] Гуманизм – культурное движение, в центре которого стоит самоуправляемый – то есть оторванный от Бога и Церкви – человек; получило свое развитие на Западе в послесредневековую эпоху.

[5] В 1956-1958 гг.

[6] Вигла – пустынная местность в юго-восточной части Афонского полуострова.

[7] Духовные братья – монахи, получившие монашеский постриг от одного и того же Старца.

молиться умно – не вслух, однако иногда молитва невольно срывалась с его уст и ее было слышно другим. Встречаясь с другими монахами, подвижник просил: «Молись, молись, чтобы из меня вышел бес». Как-то раз один юный пятнадцатилетний монашек сказал мне о нем: «Да ну его, этого бесноватого». – «Не говори так, – заметил я ему. – Этот человек стяжал немалую добродетель и бесноватым только притворяется». Впоследствии этот юный монах относился к подвижнику с благоговением. А когда подвижник умер, его нашли держащим в руках лист бумаги со списком монастырской братии, против имени каждого монаха [добрый притворщик] написал какое-то прозвище. Он сделал это для того, чтобы и после кончины испортить другим тот – пусть самый малый – добрый помысл, который они, возможно, могли иметь о нем. Потом его останки стали благоухать. Видишь как: он хотел утаиться, но благодать Божия выдала его другим.

Поэтому нам не следует делать о человеке выводов на основании видимого – коль скоро мы не в состоянии различить, что он скрывает в себе.

Старец Паисий Святогорец, «Слова», т.3, «Духовная борьба», Издательский Дом «Святая Гора»

О духовном преуспеянии

Не будем ожидать духовной весны, пока не переживем духовной зимы, чтобы умерли все духовные насекомые. Не будем ждать того, чтобы в нас выросло Божественное, если сначала не умрет человеческое, т.е. пока земля, заросшая мирской травой, не будет духовно перепахана и пока в нее не упадет зерно пшеницы, чтобы произвести настоящие пшеничные стебли, которые принесут обильный плод... Сильнее всего склонит Бога к милости в день Суда труд, который мы проделали над своим ветхим человеком.

Старец Паисий Святогорец

Все время должно так вести дела, чтобы весь день представлял непрерывную цепь актов самоотвержения и все Господа ради, пред лицем Его во славу Его... Отличительная их черта есть – не допускать самоугодия ни в большом, ни в малом, а во всем идти наперекор себе.

Святитель Феофан Затворник

Старец Паисий дает рекомендации мирянам, желающим вести духовную жизнь и познавать Бога, находясь в миру. Не будем надеяться, что легко искоренить из себя суетный мир, если нам нравится находиться в нем. Когда мы отчуждаемся от мира, тогда и ум наш легко отчуждается от мира и желает пребывать с Богом... Не ищи себе друзей среди людей с высоким положением, которые, имея мирской дух, будут посещать монастырь как зоологический сад...

Душа, которую все еще волнуют красоты чувственного мира, обнаруживает тем самым, что в ней еще жив суетный мир, а потому ее привлекает творение, а не Творец, брение, но не Бог... Сердце же, плененное суетным миром, душу держит истощенной, а ум – помраченным. Находящийся в таком состоянии, если и кажется человеком, по сути является духовным выкидышем...

Мирские люди, которые телесно питаются обильной пищей, а душевно – хвалебными словами, остаются голодными и пустыми духовно. Престолы и власти, которых они домогаются, останутся в этом суетном мире, а сами они останутся со своими мечтами, которые в иной жизни будут их мучить еще больше, потому что станут для них причиной лишения небесных благ...

В наше время, к сожалению, умножились слова и книги, но уменьшился опыт, потому что люди опять подпали под влияние мирского духа, который постоянно стремится к удобствам и избегает телесного труда. То есть большинство из нас находит себе покой во многом чтении и в малом применении прочитанного к себе... Те же, которые подвизаются с ревностью, не давая себе покоя, и все делают, не выпячивая своего «я», очень положительно помогают другим... Тот, кто думает, что может познать тайны Божии с помощью внешнего научного умозрения, подобен безумцу, который хочет увидеть рай в телескоп...

Миряне должны находиться под влиянием монашества и жить, насколько возможно, духовно, потому что заповеди одни и те же и для мирян, и для монахов, и рай тоже один.

Старец Паисий Святогорец

Величайшей молитвой за мир и наших предков является наше духовное преуспеяние, ибо тогда они имеют право на Божественную помощь, не говоря уже о нашей молитве, которая имеет дерзновение, и о радости, которую чувствуют наши предки за своих достойных потомков, в то время как от нашей плохой жизни они страдают втройне.

Величайшим и лучшим многодетным отцом является тот человек, который духовно возродился сам и помогает духовному возрождению своих чад, чтобы обезпечить их душам рай.

Старец Паисий Святогорец

Человек Божий

Блаженной памяти схиархимандрита Виталия посвящается

Беседа 8
Из воспоминаний духовного чада (часть 2)

Однажды Батюшка собрал нас, молодых, и спрашивает: «А знаете, как поспевает пшеничка?» Мы отвечаем: «Нет, Батюшка. Расскажите». Он говорит: «Смотрите. Вот эти девочки, – начал как бы о других рассказывать, – такие хорошие. Они дома папе и маме руки целуют, все исполняют. И то делают, и вот то делают, и так делают», – в общем, начал нас всячески хвалить. Одной стало стыдно – голову опустила, другой, третьей… – все головы наклонили. Он говорит: «Вот! Смотрите-смотрите: уже пшеничка поспела! Вот так она и поспевает».

Когда я встретила отца Виталия, мне был 21 год. Сначала мне и другим молодым сестрам ничего не доверяли. Мы приезжали – нас все «на руках носили». И отец Виталий тоже. Так ласково обходился с нами. А схимонахиня Иулиания все время говорила: «Какой Батюшка отец Виталий строгий! Какой он строгий!» Думаю: «Ну какой он строгий? Как хорошо возле него! Лучше, чем с папой и мамой».

Но со временем эта строгость начала проявляться. Сначала я в Тбилиси жила по две недели, а потом и по месяцу, и по два. Стала у меня всплывать своя воля – начали ко мне строже относиться.

Вот, например, сварили борщ – большую двухведерную кастрюлю – и поставили во дворе на два полена, чтобы остывал. Потом кастрюлю убрали, а поленья остались. Я прохожу мимо кухни, смотрю: они лежат. Думаю: «Да они же тут мешают. К нам батюшки приехали, а у нас дрова лежат во дворе – некрасиво». Взяла и убрала в дровник. Слышу стук в окошко: матушка Мария меня зовет. Я захожу радостная, думаю, что хорошее, доброе дело сделала. А в комнате сидят приезжие батюшки, отец Виталий и матушка Мария. Отец Виталий спрашивает меня: «А что ты сейчас сделала?» Я отвечаю: «Вот так и так – убрала поленья в дровник, чтобы не мешались». А отец Виталий так строго говорит: «А кто тебе благословлял?» Я оправдываюсь: «Да я думала…» А он сразу меня прерывает: «А ты знаешь, кто эту думку тебе влагает?» – и как начал отчитывать! Часа полтора меня чистили. «Не надо, – говорит, – свою думку – надо все спрашивать. Это враг так делает, чтобы поссорить старцев и чад».

Батюшка говорил: «Вас надо секти. Всех. Но если я это буду делать, вы завтра все уедете, и я больше вас не увижу – вы больше не приедете ко мне». Он нас строго ругал – это уже впоследствии. Где-то, что-то, казалось, малейшее, совсем незаметное, а он как начнет, и ругает, и ругает, и ругает… До слез доходило. В душе поднималась буря: «Я уеду! И больше никогда не приеду! Тяжело! Все время ругают, все время все не так! А ведь ругают за мелочи!»

Но Батюшка знал, кому что на пользу души: кому сладости, кому строгость, иному ласка, другому просто духовная книга. Нас часто благословляли читать книгу «Ольховский монастырь». По молитвам старцев она всех располагала к обильному покаянию – и младших сестер, и тех, кто постарше.

Однажды произошел такой случай. Матушка Мария послала меня в кладовую и объяснила: «На такой-то полке стоит пол-литровая банка варенья. Возьми ее и принеси сюда». Прихожу, смотрю: все банки литровые – ни одной пол-литровой. Прихожу, говорю: «Матушка, я не нашла. Там нет». Она: «Пойди, внимательно посмотри. Вот в том-то месте стоит эта баночка. Ее сразу видно – она прямо на тебя смотрит». Я снова иду туда, снова смотрю – нет! Думаю: «Да что такое? Искушение!» Прихожу: «Матушка, ну там нету». Думаю: «Может, она ошибается: забыла, взяла или куда переставила?» Она, больная, подымается: «Надежда, ну сколько можно тебе говорить?!» Идем с ней вдвоем, заходим – стоит эта банка, смотрит на меня! Матушка говорит: «Посмотрите, что с вами делает враг! Вот это что стоит?» Я говорю: «Ой! Пол-литровая банка варенья!» Она: «Ну, правильно!» Думаю: «Господи, помилуй! Я же тут все внимательно просмотрела – откуда она взялась?» Вот такое было искушение.

А однажды Господь открыл матушке наше своеволие. Был какой-то праздник, все стояли на службе. Потом матушка Мария говорит: «Мы с отцом Виталием поедем на Московский, а вы будьте на Дидубе. Да приготовьте себе покушать – я вам там все оставила». И вот мы идем с Метростали по поселку Дидубе и видим, что продают селедку – свежую, жирную! И всем нам, конечно, ее захотелось. И тут одна раба Божия говорит: «Сегодня день памяти моей сестры. Мы купим селедку, и я матушке Марии скажу, что купила ее, чтобы помянуть свою сестру Татьяну». Мы обрадовались – повод есть! Пришли домой, взяли деньги и пошли вдвоем с другой сестрой за селедкой. Приходим – очередь. Стоим, ждем. Смотрим и не поймем: вроде бы та же бочка, и была хорошая, свежая селедка, а тут запах какой-то от нее идет! Непонятно. Купили, идем, всю дорогу носы морщим: что-то не то.

> *Чада Божии нарекутся те, кто смиряется, любит, терпит, последнее место избирает, всем сострадает, не ропщет, у Господа прилежно испрашивает Его великой и богатой милости.*
>
> *Из наставлений схиархимандрита Виталия*

Приходим домой, та раба Божия посмотрела: «Девчата, что вы купили? Я же видела: там в бочке была свежая, жирная селедка!» Потом она ее чистила и все роптала: «Да где вы ее взяли? Да что это такое?!» Что делать – решили кушать такую, какая есть. Наконец, накрыли стол, помолились, сели – вдруг звонок, такой, как обычно звонит матушка Мария. Мы все в страхе, не знаем, куда ту селедку деть. А были и молодые, и пожилые матушки. Спрятали, побежали открывать. Матушка заходит, глянула на нас: у всех лица перепуганные. Но она виду не подала: «Так, девчата. Ну, что вы тут, как вы тут? Давайте вот то, вот то делать». И не спрашивает, кушали мы или нет. А мы не решаемся сказать, что еще не ели. Потом сделали все по послушанию, что она говорила, сели отдыхать. Матушка спрашивает:

– А вы ели?

– Нет.

– А чего ж вы до сих пор не ели? И не говорите мне! Ну, идем на кухню. Сестры, вы там вот это почистите, а ты, – на меня, – иди со мной.

Что-то мы с ней делали, мать Мария и говорит: «Давай сюда железную тарелку». А мы в нее положили селедку. Я об этом забыла, ищу-ищу ту тарелку в столе – нигде не найду! Говорю: «Матушка, нету». Она: «Опять ты искушаешь меня?» Сама наклонилась, больная, ищет: «Да, правда, нету. Что ж такое? А где она?» И там, и там искала, и туда посмотрела, и сюда – нет тарелки. Потом говорит: «А ну пойди, вот там посмотри». Я собираюсь идти, вдруг вспоминаю, где та злополучная тарелка, и громко ахаю от неожиданности. Матушка говорит:

– Та-ак! – и садится. – Ну-ну, рассказывайте.

– Ой, простите, матушка!

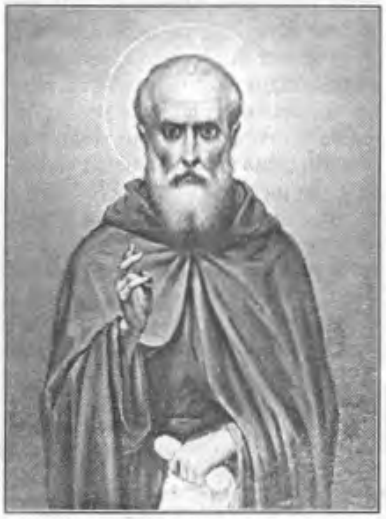
– Давай иди, зови всех.

Я созвала сестер, они мне кулак исподтишка показывают: мол, не могла промолчать! Подходим – матушка говорит: «Ну-ну, рассказывайте». Все стали рассказывать, а я поворачиваюсь – на столе стоит тарелка! Чистая, вымытая! И как мы с матушкой ее не видели?! Сестры, оказывается, быстренько выбросили селедку, вымыли тарелку и поставили ее на стол. Видно, так Господь сделал, чтоб ни я, ни матушка Мария ее не увидели и все наше своеволие раскрылось. Мать Мария нас, конечно, сильно за это ругала...

Когда мы приезжали к отцу Виталию, он всегда старался упасть нам в ноги и говорил: «Христос воскресе!» Мы ему: «Батюшка, но сейчас же не Пасха». А он в ответ: «Ну и что. Ваш приезд – это радость и для меня, и для вас».

Однажды мы приехали – он исповедывал кого-то из отъезжающих. Мы стоим уставшие, с сумками, а он машет нам пальчиком: «Быстренько, быстренько идите сюда!» Мы подходим – он говорит:

– Все под епитрахиль!



Преподобный Виталий, небесный покровитель схиархимандрита Виталия

– Батюшка, да мы же не готовы!

– Говорите свои грехи.

Он старался улучить любую минутку для исповеди. Везешь ему воз грехов, воз скорбей, вопросов, а как только увидел отца Виталия, а тем более исповедался – все растаяло, все хорошо. Но, когда приезжаешь домой – вспоминаешь: «И то забыл спросить, и то забыл, и вот это надо было». Сколько раз он мне говорил: «А у мать Нади все хорошо. Никаких вопросов, ничего нет».

Как-то мы приехали, у Батюшки был День Ангела, а мы забыли об этом. Он встречает нас и говорит: «А у меня сегодня День Ангела», – и каждому кланяется и дает что-то в подарок. Не мы его поздравляем, а он нас!

А как он радовался, когда мы привозили ему арбузы! Ну, сколько мы привезем – по два, по три арбуза каждая. А он как ребенок прыгал. Говорил: «Это российские арбузы, российские!» И если кто из грузин приходил в гости, он всем предлагал не те большие грузинские, а наши: «Это российские!» – и аж таял от этих слов. Как он почитал и любил Россию!

Один духовный сын Батюшки был в Иерусалиме. На границе у него отобрали все святыни, а большую стопу бумажных иконок для отца Виталия как будто и не заметили. Батюшка очень радовался и всем щедро раздавал иконочки Святой Троицы.

Собрались мы однажды утром в храм причащаться. Оделись – Батюшка говорит: «Давайте «Достойно» читать». Прочитали молитву и уже собираемся уходить, а он говорит: «Подождите. А четки взяли?» И каждая стала проверять: «Ой, мои в сумке!.. А мои на диване остались!.. А мои там-то». Отец Виталий говорит: «Эх вы – солдаты-солдаты! Идете на войну, а оружие дома!» Он строго следил, чтоб, если благословили нам четки, то мы обязательно носили бы их с собой. И на причастии тоже, чтобы четки обязательно были или в кармане, или на шее.

Когда я приехала к отцу Виталию впервые, смотрю: он раздает всем пожилым матушкам четки (в тот раз только я одна была из молодых). Я обрадовалась, думаю: «Сейчас и до меня очередь дойдет». Но меня минули. Думаю: «Что такое? Всем дали, почему же мне не дали?» Выбрала я момент и напрямую говорю: «Отец Виталий, я хочу четки!» Матушка Мария как засмеется! Отец Виталий отвечает: «Какая ты быстрая! Сделай себе четочки из бусиков». Мне это тоже понравилось. Думаю: «Из бусиков, так из бусиков». И уже не чаю, когда поеду домой, пойду в магазин, выберу бусики и сделаю себе четочки. Приехала домой, сделала соточку. Все время у меня рука в левом кармане – молюсь! Такая гордость у меня пошла! Еду в автобусе, шепчу молитву... И тут Бог дал, что я четки потеряла! Тогда я поняла, что не надо было гордиться.

А вскоре нам дали настоящие четки. Это была, конечно, радость невыразимая! Матушка и отец Виталий пели «Радуйся, Владычице, Милостивая о нас пред Богом Заступнице», а у нас лились слезы. При такой молитве нас благословили.

Первые четки были сутажные. Я спрашиваю: «Батюшка, а как молиться?» Он говорит: «Надо так, чтоб семья не видела. Тем более – посторонние. Первое время молись только в кровати, под одеялом», – потому что папа у нас был агрессивно настроен против того, чтобы мы верили в Бога. И когда я уезжала в Грузию на два-три месяца, мне приходилось оттуда присылать такие письма, будто бы я нахожусь в санатории. Например, дома зима, а я писала: «Мы ходим в горы. Здесь свежие овощи и фрукты. Пьем минеральную воду», – и потом показывала отцу Виталию. Он смеялся и говорил: «Хорошее письмо, хорошее». Приходилось все время обманывать. Мама, конечно, знала о том, где я нахожусь, а отец – нет.

Однажды мама приехала и говорит Батюшке: «Папа так агрессивно настроен, что готов разодрать Надю, если она приедет», – он чувствовал, что что-то здесь не то. Говорил маме: «Ты, наверно, ее в монастырь отдала». Мы стали жаловаться Батюшке, как отец нас дома обижает, а Батюшка Виталий говорит: «Матерь Божия так управит, что он приедет в Грузию». Мы посмотрели на него, подумали, что он нас просто утешает, и не поверили, потому что наш папа был совсем неверующим. Что он делал! И ругался, и маму бил… И тут заходит матушка Мария и переспрашивает: «Что ты сказал, отец?» А он говорит про нашего папу: «Отец Павел сюда приедет». Матушка: «Да что ты говоришь?» И мы не поверили…

А через полгода после смерти отца Виталия наш папа, действительно, приехал в Грузию. Пятьдесят лет он не причащался и по молитвам отца Виталия первый раз причастился в Тбилиси! Он молился на могилке отца Виталия, плакал и говорил: «Почему вы мне не рассказали о нем, когда он был еще жив? Почему я его не видел?» Сейчас папа живет с нами и ходит в церковь.

Помню, один раз приехали сестры из России и привезли с собой молодого современного парня. Он рассказывал, что видел сон: страшные раскаты грома, молнии и над ним белая риза. Проснулся весь в поту. Батюшка сказал ему: «Есть воля Божия быть тебе священником». Впоследствии мы узнали, что тот парень уже стал священником, служит на приходе.

Еще помню случай: приехали рабы Божии из России. Они довольно долго были у нас, и мы их очень полюбили. Они паломничали по святым местам. Батюшка их наставлял, поучал. А когда они собрались уезжать, он им много подарков дал и попросил Ивана-водителя, чтобы отвез их на вокзал. Мы распрощались с ними. А когда они сели в машину и уехали, Батюшка говорит: «Вы знаете, вот уехали эти рабы Божии… Одной того, что она здесь получила, хватит на всю жизнь. Второй – на несколько лет. Третьей – на несколько месяцев. А четвертой матери хватит до тех пор, пока она не сойдет с поезда».

Из писем схиархимандрита Виталия

Епископу Никону (Васину)

Возлюбленне отче Никоне!

Благослови поздравить тя со Святыми днями Святыя Четыредесятницы, со днем памяти святых Никона и учеников его, и преподобного Николая Печерского, со днем твоего Ангела и благодарить за телеграмму, поздравляющую со святым постом!

Премного благодарим за любовь и усердие, заботы и милосердие, хлопоты и святую память и рачение святое во спасение. Да почиет на тебе, отче, Святый Дух, простит, украсит добродетелями и в Небесные Обители водворит.

Вопросили старца: как он молится? Тот ответил, что круглосуточно.

Спросили пояснения. Он ответил: встаю ото сна – молюсь, совершаю рукоделие – молюсь, от прибыли, что выручаю за рукоделие – подаю милостыню и когда сплю, о мне молятся, кому поблагодетельствовал. Вот почему и круглосуточно идет моление.

Сие изречение повествуется в древнем патерике. Вот почему Святая Церковь учит: постясь – введи странных, напои и накорми, подай милостыню. Даешь ближнему – Христу даешь. Милостыня аки крылатая птица летит к Святому Престолу Божию и умоляет о даятеле, да милостив Бог будет к милующему, который да благословит тя, отче, ум и сердце окрылит и в Небесные Обители водворит, Ему слава. Аминь.

Все получено. Покорнейше благодарим за теплые одежды. Целуя стопы Ваши, кланяемся. Простите, не скорбите.

Куликовой Марии Михайловне, г. Ростов-на-Дону

Мать Мария! За Павлика надо молиться Святителю Николаю. Раз о. Иоанн молится, надо пойти и заказать отпевание и погребение, и заупокойные Святые Литургии. Господь рече: «*Болен бех и посетисте Мя, в темнице и приидосте ко Мне*». Хорошо подать деньги, чтобы куда больше чем-то послужить, Самому Христу послужите, подавайте старушкам. Иконы хорошо дать во святую Иверскую обитель. А какие и сколько у Вас, Вы не означили, но и себе надо. Какие паспорта: если будут на руку и чело давать вкладыши, то не надо, а если сего нету, то берите. Все получаем, только не вовремя отвечаем. Бывают большие сроки, даже года проходят. Не пишите на двух сторонах, ничего не разберешь, бумага тонкая и разбирать весьма затруднительно. Благослови Вас Господи, Ему слава. Аминь. Спасайтесь, простите.

24 апреля 1989 г.

СРЕДСТВО БОРЬБЫ С «НЕ МОГУ»

Вопрос: Как быть, если не получается жить благочестиво, т.е. по заповедям? Порой вроде бы и видишь, и чувствуешь, и понимаешь, но совершенно не можешь справиться с собой. И тогда приходят помыслы: «Такая "правильная" жизнь доступна только избранным. Я так не могу...»

Ответ: Когда мы говорим себе «я не могу», то делаем этим **большую ошибку**. Попросту говоря – глупость. Нужно понять тот факт, что **сами мы не можем спастись**. Мы не можем совершить какую-либо добродетель сами, потому что Господь сказал: «*Всяк сад, иже не насади Отец Мой Небесный, искоренится*» (Мф. 15, 13). И: «*Без Мене не можете творити ничесаже* [т.е. ничего благого]» (Ин. 15, 5). Всякий сад, т.е. всякое дело, которое не совершается благодатью Божией, не годится для Царствия Божия.

И потому, чтобы нам приобрести свойства Христовы, нам нужно понять, что они усваиваются в нас только благодатью Святого Духа (при совместном содействии нашей воли). Именно тогда совершается нами какая-то добродетель, т.е. проявляется в нас благое свойство, подобное в какой-то степени Христову (в чувствах, мыслях, расположениях, как и апостол говорит, что в нас должны быть те же чувствования, какие во Христе Иисусе).

Дело спасительного преобразования совершается так. Мы прочитали какую-либо заповедь, допустим: «*Прощайте*» (Лк. 6, 77). И вот мы вроде бы пытаемся простить нашему обидчику, но внутри у нас все кипит: «Нет, я не могу простить ему! Сказал "не могу", значит, не могу – и все!» В этом случае зло (как свойство) в нас так и остается и укореняет в душе страсти злопамятства и ненависти. А «*всяк ненавидяй брата своего человекоубийца есть*» (1Ин. 3, 15). Если же мы начинаем делать это (или какое-либо другое доброе дело) и, видя свою немощь, просим: «Господи, я вижу, что я не могу, но надо же это делать по заповеди Твоей, помоги мне!», то Господь дает Свою благодать. Мы, понимая необходимость дела, начинаем делать его своей свободной волей, осознаем свою немощь (что сами мы это не можем сделать), смиряемся, но продолжаем понуждать себя и просим помощи благодати Святого Духа. Господь же, видя наше произвольное начинание, подает нам благодать, и она завершает начатое дело. Таким образом, в нас насаждается древо благодатного сада (ср.: Мф. 15, 13) – мы приобретаем свойство прощать. И потом мы уже прощаем с радостью. А после этого мы уже сможем молиться за своих врагов: «Не постави им это во грех», – и, таким образом, еще одно деревце насаждается в нас при помощи нашего старания и помощи благодати Святого Духа.

Также взращиваются и другие свойства: милосердие, кротость, воздержание и прочее. Ведь не Богу все это нужно (чтобы было в нас, к примеру, воздержание или еще что-то доброе), а нужно нам самим. Нужно, чтобы **мы** приобрели такое свойство: чтобы, видя что-то соблазнительное, мы умели воздерживаться, зная, что это греховно и не угодно Богу.

Вопрос: Но одно дело, если я просто думаю, что «я не могу, наверное, это сделать». А если я чувствую, что что-то конкретное я не могу исполнить? Ну, просто не хватает сил...

Ответ: Здесь нужно рассудить, по какой причине это происходит: от телесного естества или же от диавольского искушения. А потом уже решать. Если это, действительно, физическая болезнь, то можно дать телу отдых, поскольку все должно делаться с рассуждением меры. А если совесть подсказывает, что это душевная немощь, то нужно просто просить у Господа помощи: «Господи, помоги мне, укрепи мою слабую силу воли противостать этому искушению» – к примеру, лености, нерадению, расслаблению при утреннем подъеме.

Бывали и со мной такие случаи. Когда мне нужно подняться рано, а я после путешествия устал, то на будильник я уже не надеюсь, а просто молюсь: «Господи, помоги мне,

Ангел-хранитель, разбуди меня в 5 часов – нужно мне встать. Знаю, что я устал, и спать буду крепко». Звонок прозвонил, и я думаю: «Да, да, надо вставать», – и снова уснул. Но поскольку я же просил Ангела-хранителя, вдруг начинается судорога в ноге (пальцы ступни сводит). Ищу, куда бы придавить, чтобы судорога отпустила. Пока давил, проснулся. Но опять засыпаю, а нужно вставать… И снова начинается судорога: уже икры схватила! Ой!.. Я давил-давил, а она все выше и выше. Ну, все. Тогда уже схватываюсь за булавку, начинаю колоть ногу. Потом думаю: «Слава Тебе, Господи, что хотя вот так Ангел-хранитель поднял меня, лодыря». Да, я не могу, но я попросил Ангела, и он меня поднял таким способом. А если бы не просил? Проспал бы, надеясь на себя, что встану. И таких случаев было очень много. Вот так и начинается наша борьба со своей страстью.

Вопрос: А если, например, в храме бывает много народа (порой – малоцерковного), который постоянно суетится, движется во время службы туда-сюда, и этой «толкотней» выводит меня из себя – как быть? Как воспитывать в себе этом случае мирное устроение души? Это кажется каким-то непреодолимо-сложным «не могу».

Ответ: Нужно подумать: а что будет со мной, если я с этим свойством отойду в вечность? Что **тогда** будет со мной, если я сейчас не могу терпеть ближних? Где я обрящусь? Куда меня посадят, в какую каталажку закроют, если я не люблю тех, за которых умер Христос – тех, кого Он искупил Своею Честною Кровию, которых Он терпит, а я не терплю?

Вопрос: Не помогает…

Ответ: Значит, нужно усилить молитву об этом: «Господи, изведи меня из этого окаменеенного нечувствия, моего омрачения, братоненавистничества, нетерпения и т.д., из моего бедственного состояния!»[1] А самому, наоборот, стоять с этими людьми и терпеть, понуждая себя находиться в таком обществе. Но в то же время вопиять: «Господи, помоги мне любить, помоги мне прощать, помоги мне сострадать немощам ближних! Если Ты мое безумие терпишь, то научи и меня терпеть хотя бы эту маленькую немощь моих ближних!» И стоять, и вопиять так внутренне, и терпеть. И если будешь так делать, ну, хотя бы недели 2–3, то, думается, эта твоя «аллергия»

пройдет с Божией помощью. Но только делать это надо, надеясь не на себя, а на помощь Божию. Господь поможет. Потому что сказано: «Просите, и дастся вам». А мы ведь как обычно делаем? Мы же не просим, надеемся на себя: «**Я не могу** – пробовал, а не получается! Значит, нужно убегать мне от них – и все». И, таким образом, мы остаемся со своей немощью, со своим диавольским свойством братоненавистничества. А всякий ненавидящий брата – человекоубийца есть. А всякий человекоубийца не имеет жизни вечной. Вот чем это кончается.

Нужно понять, что наша жизнь дана нам **только для приготовления себя к вечности**. И если мы себя здесь не приготовим, там будем вечно плакать, пеняя на самих себя. Нужно понять, что Бог нам хочет больше дать, нежели мы можем принять. Но только Он не может нам дать потому, что мы этот дар не можем употребить себе во благо, во спасение, в вечную радость и блаженство. Ну, как родители не дают ребенку, скажем, нож, топор или пистолет, потому что он употребит его во вред себе и другим. А после того, как этот ребенок вырастет, ему уже доверяют такие предметы, и он употребляет их во благо (становясь врачом, строителем или военным).

И вот, действительно, если человек не приготовит себя для вечности, не приобретет свойств Христовых, то он не сможет там принять дара благодати. Нужно понять это, ощутить сердцем, душою, что **так просто** и в то же время **так страшно**: БОГ НАМ ХОЧЕТ БОЛЬШЕ ДАТЬ, НЕЖЕЛИ МЫ МОЖЕМ ПРИНЯТЬ. А мы не уготовляем себя к этому, потому и не можем принять от Бога дара благодати.

Но надо сказать, что самое частое препятствие на этом пути – наша склонность к самопревозношению и уничижению ближних. Пока мы от этих страстей не освободимся, мы не сможем принять и сохранить какие-либо дары благодати. Потому-то Церковь во время Великого поста учит нас молиться и просить: «Даждь ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего!»

Пока у нас еще есть время земной жизни, мы должны каяться и очищаться от всех своих греховных склонностей, приобретая свойства Христовы, т.е. добродетели, почему и апостол говорит: «*В вас должны быть те же чувствования, какие во Христе Иисусе*» (Флп. 2, 5). Потому что если мы такие свойства приобретем, то станем жизнеспособными для будущей жизни в Царствии Небесном.

Вот такое, до очевидности, серьезное дело. И действительно Страшный Суд страшен будет именно потому, что мы сами себя осудим. Осознав всю действительную реальность вечности, увидим, какую мы сделали непоправимую ошибку. И мы не сможем сказать: «Прости, Господи». Потому что увидим, какие мы сделались негодные для того звания, к которому Господь нас призвал: мы не стали сынами Божиими, а своими страстями уподобились скотам, зверям и бесам. И нам останется только плакать и скрежетать зубами: «Какой же я был дурак!.. как безрассудно я прожил земную жизнь!.. И не позаботился хотя бы немножко приобрести свойства Христовы».

---

[1] Ср. «Изведи из темницы душу мою» (Пс. 141, 7)

Нагорная проповедь

Заповеди блаженства

в изречениях и делах святых отцев, живших в IV и V веках

Аще убо принесеши дар твой ко олтарю и ту помянеши, яко брат твой имать нечто на тя: остави ту дар твой пред олтарем и шед прежде смирися с братом твоим, и тогда пришед принеси дар твой. (см. Мф. 5, 22-26).

(Продолжение. Начало в № 22-34)

1. Авва Иперехий говорил: лучше есть мясо и пить вино, нежели злословием снедать плоть брата своего.

Он же говорил: змий изгнал Еву из рая клеветой; посему злословящий ближнего подобен змию. Он губит душу того, кто слушает его – не спасает и своей.

Авва Метефий говорил: прежде, когда мы собирались друг к другу и рассуждали о пользе души своей, укрепляя друг друга, мы в стройных хорах восходили на небеса. А ныне, когда собираемся и злословим друг друга, нисходим в ад.

Авва Иперехий говорил: кто не удерживает языка своего во время гнева, тот не удержит и своих страстей.

Один брат спросил Авву Исидора: почему демоны так сильно боятся тебя? Потому, – отвечал старец, – что я стараюсь не допускать гнева до гортани моей.

Спросили Авву Исаию: что есть злословие? Он отвечал: неведение славы Божией и ненависть к ближнему.

1. Ни лично, ни заочно не злословь ближнего, не обзывай его.

2. Помни, что иначе ты найдешь в Боге не Отца милосердного, а только Судию строгого, и когда умрешь (а смерть может неожиданно постигнуть тебя), будет уделом твоим вечная смерть. Судия Бог предаст тебя Своим Ангелам для ввержения тебя в темницу духовную, где ты лишишься света и блаженства.

2. Авва Ор говорил: если ты злословил брата своего, и совесть твоя мучит тебя, то пойди, поклонись ему и скажи: я злословил тебя. И уверь брата, что не будешь более оскорблять его. Злословие есть смерть души.

Авва Витимий спросил Авву Пимена: если кто будет иметь на меня вражду, и я попрошу у него прощения, а он не простит меня: что мне тогда делать? Возьми с собой двух братьев, – отвечал старец, – и проси у него прощения. Если опять не простит – возьми других пять; если и при сих не простит, возьми священника. А если и тогда не простит – молись спокойно Богу, да Сам Он вразумит его, а ты не заботься.

Авва Агафон говорил: я никогда не ложился спать, имея что-либо против другого, и сколько мог, не допускал также, чтобы кто-либо отходил ко сну, имея что-нибудь против меня.

Авва Исаак говорил: никогда не вносил я в келью мою домысла против брата, который оскорбил меня; также старался не оставлять брата в келье его с домыслом против меня.

(Продолжение следует)

Вопросы и ответы

(изречения святых отцов)

Никак не могу исправиться, что мне делать?

Что делать? Всегда мы неисправны пред Богом; надобно молиться об этом. Ты знаешь, как написано у преп. Макария Великого: «Безстудно должно вопиять к Богу, чтобы Он смиловался и Сам помог нам, потому что мы своими силами и сами собой ничего не можем сделать хорошего. А если будем часто молиться, докучать Богу, вопиять безстудно в великом смирении, то Господь и поможет».

Кто такие, которые лицемерно каются?

Лицемерно каются: 1. Кто во вражде пребывает и примириться с врагом своим не хочет. 2. Вор, когда похищенного возвратить не хочет. 3. Всякий, кто пред духовным отцом беззаконие свое утаивает. 4. Всякий, кто не хочет отстать от греховной привычки.

Меня стужает мысль: «Простит ли Господь меня?»

Ты пишешь: «Простит ли тебя Господь?» Эта мысль диавольская, он пугает тебя по своей злобе, не слушай его. Нет такого греха, чтобы превышал Божие милосердие.

При чтении псалтири, где говорится о врагах, каких врагов надо разуметь?

Должно нам разуметь невидимых врагов – лукавых злых духов, стужающих нам греховными помыслами и побуждающих нас на грех.

Что такое сквернестяжательство?

Сквернестяжательство означает человека, который творит скверный (неправедный) прибыток.

Что надо делать, когда появляются мысли, хвалящие себя?

Когда враг вносит помыслы самохваления, тогда надо припоминать прежние грехи, чтобы смирить себя.

Что делать с испортившими, ветхими иконами и просфорами, артосом проточенным?

Сжигать в церковной печи. Но если ветхая икона может послужить своей доской, то можно обновить ее или написать новую икону.

Добрый пастырь

Краткое жизнеописание священника Преображенской церкви города Ельца ИОАННА БОРИСОВИЧА

Священник
отец Иоанн Борисович

(Окончание, начало в № 34)

Приход, в котором служил отец Иоанн, был богатый, доходы хорошие, но батюшка, зная совет псалмопевца: «*Богатство аще течет, не прилагайте сердца*» *(Пс. 61, 11)*, не собирал денег – денег у него не было, он все их раздавал бедным. Случалось часто, что денег недоставало, тогда он отдавал вещи, например, платок или еще что-нибудь. У него была порядочная семья: два сына и две дочери, но он им не собирал приданого. Заботливая матушка его часто напоминала ему об этом: «Вместо того чтобы чужих оделять, своим бы что-нибудь припас!» – «Слышала, что в церкви читают, – говорил бывало о. Иоанн, – «*Богатии обнищаша и взалкаша, взыскающии же Господа не лишатся всякаго блага*» (Пс. 33, 11). И Господь во Святом Евангелии говорит: «*Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам*» (Мф. 6, 33). Он одевает полевые лилии, питает *птенцев врановых* – оставит ли без помощи детей служителей своих? Не о них ли молился в саду Гефсиманском: «*Аз о сих молю; не о всем мире молю*» (Иоан. 17, 9)». И упование о. Иоанна не посрамило – дети его хорошо устроились: сыновья по окончании семинарского курса – один был священником на его месте, другой по гражданской службе служил счастливо; дочери же были выданы за священников в самом городе Ельце. Над о. Иоанном вполне исполнилось слово Пророка: «*Я был молод и состарился и не видал праведника оставленным и потомство его просящим хлеба*» (Пс, 36, 25).

Волнения хлопотливой хозяйки усиливались накануне больших праздников, когда расходы по дому увеличиваются, денег требуется много, а деньги о. Иоанн раздал. И о. Иоанну, подобно Филарету Милостивому или Иову, приходилось много слышать горьких упреков от своей жены. Так было однажды накануне Рождества Христова: неумолимая хозяйка с каждым часом сильнее и сильнее приставала к о. Иоанну со словами: «Дай денег!» А денег не было. Упоминание о птицах небесных, которые не сеют, не жнут, не только не успокоило, но еще более раздражало хозяйку. Что тут делать?... Вдруг растворяются ворота, и целый воз всего необходимого к празднику въезжает на двор. Один боголюбец, зная, что о. Иоанн все раздал бедным, прислал ему. «Видишь, маловерная», – сказал с кротостью о. Иоанн.

Но Дарья Ивановна (так звали матушку о. Иоанна) по преданию не умела удерживать язык свой от зла, а часто, особенно под воскресные дни и праздники, так ворчала, что о. Иоанн для чтения правила удалялся в свою приходскую церковь, благо она была недалеко: дом о. Иоанна был в церковной ограде. Зачастую здесь он всю ночь проводил в молитве.

В одну из таких ночей он усердно молился, сначала пред иконою Спасителя, потом пред иконою Богоматери, молился со слезами, чтобы Господь ниспослал Свою благодать ему самому и всем вверенным его попечению людям, и вдруг слышит от иконы Пресвятой Богородицы глас: «Иоанне! Иоанне! услышана молитва твоя!» Священный ужас объял его, он пал ниц на землю, слезы невольно полились из очей его, в душе он почувствовал умиление и во всем существе своем такую слабость, что не мог выйти из храма и ночевал в притворе – дух его вмале не разлучился от плотского союза рада сего гласа.

Было о. Иоанну и другое видение, свидетелем которого стал благочестивый купец Матвей Петрович Ростовцев. Сей последний в вечернее зимнее время читал дома, сидя на диване, Псалтирь. Вместо предисловия к ней помещается, как известно, рассуждение о таинстве Святыя Троицы. Читая это рассуждение, Ростовцев стал размышлять, как бы это лучшее понять и постигнуть. Вдруг приходит к нему о. Иоанн, садится на пол, приказывает хозяину разуть его. Тот снял с обеих ног его сапоги и чулки. Потом о. Иоанн говорит ему: «Матвей! Взгляни на свой потолок». Он взглянул и вместо потолка увидел открытое светлое небо. От страха Матвей упал на пол и залился слезами, плакал с ним вместе и о. Иоанн. После многих слез взглянули и увидели, что небо скрылось. Отец Иоанн сказал ему: «Где нам, глупым рассуждать о Святой Троице? Пророк Моисей, увидевши неопалимую купину, горящую и несгораемую, не смел в обуви приблизиться к ней! А ты, может быть, нечистый и неумовенный, небрежно сидишь на диване и углубляешься в сие великое таинство, хочешь постигнуть непостижимое! Нет, друг, ваше дело не углубляться, а благоговеть, сердечно веровать и поклоняться Непостижимому: «Поклоняюся Тебе, Пресвятая Троице Единосущная, Животворя-

щая и Нераздельная, Отче, Сыне и Душе Святый! Верую и исповедаю, славлю и благодарю, хвалю и превозношу Тя! Помилуй меня, раба Твоего». Смотри, при моей жизни никому о сем видении не объявляй».

Святитель Тихон любил о. Иоанна за добродетельную жизнь. Однажды он посетил его и, увидав плетеные сени, сказал: «Не тужи, о. Иоанн: поживешь – и тесовые наживешь. Честь и добрые дела дороже каменного дома». Вскорости исполнились слова Святителя: о. Иоанн устроил тесовые сени и в них чулан, в который любил уединяться от суеты семейной для богомыслия и молитвы. Но с тех пор уже ничего не делал для своего дома, хозяйственные свои способности он прилагал только к украшению храма. И действительно, малый и тесный храм при нем был распространен и дивно украшен. Но насколько храм, где приносил безкровную жертву о. Иоанн, поражал красотою и богатством, настолько дом его поражал скудностию: крыша сгнила и во многих местах провалилась, сквозь потолок виднелось солнце. В таком-то доме посетил о. Иоанна епископ Орловский и Севский Иона. Было пасмурно, надвигалась туча. «Тебя, о. Иоанн, я думаю, дождь мочит, течь бывает с худого потолка». – «Нет, владыко, – отвечал он, – меня не безпокоит дождь, я всегда сух бываю». Как бы в подтверждение слов о. Иоанна полил сильный дождь. И что же? Вода покрыла землю, полились сильные ручьи, а в комнату о. Иоанну через худую крышу и дырявый потолок хоть бы капля капнула! «Вот как чудно хранит Господь верных рабов его, – сказал владыка. – Поистине о. Иоанн живет под кровом Бога Небесного (Пс. 90, 1); поистине несть лишения боящимся Бога (Пс. 33, 10)».

В старости Господь благословил о. Иоанна даром предвидения, и к нему со всех сторон шли за советом и монахи, и священники, и простые миряне, особенно в случаях важных, например, пред заключением брачных союзов. Вот несколько примеров.

Затворник Задонского монастыря Георгий, видя в храме небрежно стоящих, разговаривающих и смеющихся, смущался духом. И, чтобы не быть более зрителем таких безпорядков в Задонском монастыре, возымел намерение удалиться из него в другой монастырь. Исполнить же свое намерение без совета с каким-либо опытным старцем он не хотел, и решился посоветоваться с о. Иоанном. Прибыл Георгий в Елец, но едва успел подойти к дому о. Иоанна, как тот выбежал на крыльцо и, хотя никогда прежде не видал и не знал его, встретил его

Преображенский храм, г. Елец

следующими словами: «А я, брат, сейчас только отслужил молебен со звоном Пресвятой Богородице. Она не велит давать наставлений монахам, особенно смущенным и хотящим оставить свой монастырь. Ступай, брат, ступай! У вас есть схимонах Агапит. Он тебе скажет, что надобно делать». И за сим запел: «Святым Духом всяка душа живится…», – и спрятался в свой чулан, где обыкновенно жил. Георгий пошел в свой монастырь, побеседовал с о. Агапитом и, получив от него назидание, остался жить в Задонске.

С подобным же вопросом другой инок того же Задонского монастыря приходил к о. Иоанну. Приближаясь к дому священника, он размышлял сам в себе: «Не рано ли я иду к нему: ведь он позднюю обедню медленно служит, а по окончании обедни служит молебен с акафистом Божией Матери, впрочем, пойду и подожду». Приближаясь к дому его, с удовольствием узнал, что о. Иоанн дома. Но едва успел он подойти к дверям, выходит к нему о. Иоанн, прежде не знавший его и никогда не видавший, и говорит ему: «Службу свою долгую я окончил и акафист прочитал. И вот сижу дома, на покое. А ты, брате, вне дома, не на своем месте. Иди опять в свой монастырь и послушание, данное тебе, неси безропотно». Сказав это, о. Иоанн благословил инока изображением одного угодника Божия, промолвив: «Подражай ему». Инок, приняв от него сей дар, успокоился и из Задонского своего монастыря не решился выходить.

Священник Иос. Зах. Вуколов пришел к о. Иоанну со студентом Орловской семинарии Иродионом Соловьевым, собравшимся жениться и желавшим принять благословение на брак. Отец Иоанн принял их радушно и для угощения положил на тарелку что-то мясное. Гости подходили к тарелке, но о. Иоанн останавливает студента и говорит: «Нет, брат, нам к этому не надобно прикасаться, мы с тобой икры съедим». Потом рассказывает им о себе следующее: «Я был в Воронеже, из Воронежа в Задонск, из Задонска в Елец пришел. Приближаясь к Сосне-реке, я хотел переправиться через нее на лодке, но только сел в нее, взялся за весло и поплыл, она вдруг опрокинулась, и весло из рук моих упало, остались при мне только два посоха и жезл архиерейский, которые я нес с собою». После этих слов о. Иоанн пошел в свой чулан, вынес оттуда два посоха и жезл архиерейский. Один из посохов он вручил священнику со словами: «Это вот тебе», – а другой оставил у себя в руках, сказав: «Это мне». «Тебе же, – прибавил он, обращаясь к студенту, – даю жезл архиерейский. Теперь ступай с Богом, мне некогда больше беседовать с вами». И побежал в свой чулан, оставив гостей в недоумении. Через несколько времени помянутый священник предложил студенту опять сходить к о. Иоанну – не скажет ли что-нибудь более вразумительного. Студент отвечал: «Нет, уж он намекнул мне, что надобно делать. Я понял его. Жениться я раздумал, судьба моя решена». Вскоре студент пошел в монастырь, постригся в монахи и со временем, по милости Божией, удостоился сана архиерейского. Таким образом, жезл архиерейский, данный ему о. Иоанном, пригодился

ему. Это был архиепископ Нижегородский Иеремия, скончавшийся 1884 года 6 декабря, прослужив Богу в архиерейском сане 41 год.

Послал о. Иоанн протоиерею Елецкого Вознесенского собора отцу Василию Подлитовскому гроб. Протоиерей не принял его. Отец Иоанн опять послал гроб и приказал посланному оставить его на дворе протоиерея. Приказ был исполнен. На третий день после этого протоиерей, будучи совершенно здоровым, скоропостижно умер в Елецком духовном правлении за присутственным столом.

Купец Сергей Трифонович Кожухов, намереваясь женить сына своего Иоанна, нашел ему невесту и, посоветовавшись с родными, хотел вечером послать к ней с предложением. Отец Иоанн нечаянно в тот же вечер приходит в дом Кожухова, приносит ему три восковых свечи и говорит: «Вы хотите посылать сватать невесту – остановитесь, это не его невеста». Отца Иоанна послушались, сватать не послали. Спустя немного времени нашли другую невесту. Отец Иоанн опять нечаянно является с тремя восковыми свечами и посылать сватать не благословляет. Кожухов и на этот раз не противоречил, остановил посылку. Приискали третью невесту и собрались сватать ее. Отец Иоанн, узнав об этом по свойственному ему прозрению, приходит к Кожухову так же вечером, приносит ему фунт свечей сальных и говорит: «Ну, вот, слава Богу, на свою напали. Посылайте, благословляю». Послали, сосватали, брак совершился. Что же после случилось? Прежние две невесты скоро обе умерли: одна через год после брака, а другая – через два. А третья невеста, с которою сын Кожухова, Иван Сергеевич, вступил в брак, отличалась долголетием и здоровьем.

«Силу прозорливости о. Иоанна и мне пришлось испытать на самом себе, – говорит о себе протоиерей Л. Ефремов. – За меня сватаны были пять невест, четыре – с большим приданым. Но из пяти я избрал одну безприданницу, мещанскую дочь Прасковью Семеновну Перекалину, и был на ней помолвлен. Вечером, когда я был у невесты, о. Иоанн нечаянно приходит в дом моего тестя и, благословляя меня с невестою, говорит: «Радуюсь, что ты, при помощи Божией, умел себе выбрать невесту; счастлив твой выбор». Слова его сии порадовали всех. Я при благословении его скоро вступил в брак и прожил с женою своею двадцать пять лет. Жизнь же прочих моих невест была недолговечна».

Купчиха Прасковья Жаворонкова пожелала попросить у о. Иоанна совета о выдаче своей внучки. Собираясь к нему, она велела одному из сыновей своих купить кренделей. Сын купил. Она же, взглянув на них, сказала ему: «Очень много! Отложи». – «Ничего, матушка, неси все». Пошла купчиха к о. Иоанну с приносом и с вопросом. Отец Иоанн, взглянув на крендели, сказал:

Могила протоиерея Преображенского храма отца Иоанна, г. Елец, 2003 г.

– Очень много, много, любезная, отложила бы.

– Виновата, батюшка, виновата, – будучи обличаема совестию, сказала она ему.

– Зачем пришла?

– Попросить у вас, батюшка, совета и благословения просватать свою внучку за такого-то...

– Не благословляю, – сказал ей о. Иоанн.

– Да, как же? Он, говорят, человек хороший и торговец отличный.

– Хорош, да только года на два или на три, а после не годится и навоз со двора счищать.

Купчиха послушалась о. Иоанна, внучку свою не отдала за хваленого ею жениха, а просватала за другого. Тот же впоследствии точно сделался негодным – пристрастился к вину.

Купчиха Анна Зотова пришла к о. Иоанну попросить совета: отдавать ли ей дочь свою за Александра Семеновича Хренникова, человека богатого, из себя видного, образованного. Но о. Иоанн, не думая долго, вдруг сказал: «Не даю совета, не благословляю, подожди другого». Прискорбен был для купчихи такой ответ. Жаль было жениха, но нечего делать. Все верили: что о. Иоанн сказал, то и свято. Последствия оправдали сказанное о. Иоанном. Пользовавшийся громкою славою жених Хренников ослабел, разорился и умер, а другой жених, который скоро затем присватался за дочь Зотовой и с которым она в брак вступила, был хорош и долго благополучно жил на свете.

Одна девица, достигнув совершеннолетия, дала обещание Богу не выходить замуж. Но когда ей минуло тридцать лет, она задумала вступить в брак и пришла к о. Иоанну для благословения. Она не утаила перед ним о своем обете. Но о. Иоанн не благословлял ее намерения и говорил ей, что нарушитель обета, данного Богу, по словам Василия Великого, делается лжецом, святотатцем и похитителем святыни у Самого Бога, ибо обет дается существу Величайшему, пред Коим трепещут небо и земля, Святейшему, Который ненавидит лжи и обмана, Праведному, Который милует верных Ему и строго наказывает нарушителей обета. Девица осталась непреклонною в своем намерении и приходила к о. Иоанну в другой раз за благословением. Он и в этот раз не дал благословения, сделал ей новые увещания и, видя безуспешность их, наконец, сказал ей: «Не хочу принимать на свою душу твоего греха – нарушения обета. Отдаю все на твою волю: что хочешь, то и делай. Только помни, что Бог накажет тебя за нарушение обета и накажет скоро». Слова о. Иоанна сбылись. По выходе замуж в тот же год молния опалила руки и ноги новобрачной, отчего она, немного пожив, скончалась.

Дар великой прозорливости по чувству смирения о. Иоанн прикрывал иногда юродством. Вот примеры.

У купца Якова Алексеевича Талдыкина отчаянно была больна жена. Родные с минуты на минуту ожидали смерти. Но вдруг является в дом Талдыкина о. Иоанн, садится на пол

и начинает разуваться и скидывать с себя чулки. «Батюшка, батюшка! Бог знает, что ты это делаешь!» – заметил хозяин. А он ему в ответ: «Бог знает, и знаю сам я, что делаю, но вот узнаешь и ты». Потом приказывает снять с больной чулки, надевает их на себя, а свои велит надеть на ее ноги. Когда приказание его было исполнено, тогда он сказал им: «Будьте покойны, с этой минуты она будет выздоравливать, и завтра вечером я буду у вас с нею чай пить». Так и случилось. Больной стало легче, и на другой день о. Иоанн пришел к ним и кушал с ней чай. Больная же чулки его носила до тех пор, пока не оправилась совершенно, а он тем временем носил ее чулки. По выздоровлении своем, она отослала о. Иоанну его чулки, а свои у него взяла. Когда же опять впадала в болезнь, тогда опять посылала к нему за чулками. И так перемена чулок производилась несколько раз в течение ее жизни. Незадолго до смерти она тоже послала за его чулками – принесли ей, надели их. Но о. Иоанн пришел к ней на другой день, взял у нее свои чулки, несмотря на ее прошение, чтоб он дозволил ей поносить их до выздоровления. На третий день после этого она скончалась.

Отец Иоанн лег раз на сыром месте, на площади, находящейся почти на краю города. «Прилично ли валяться священнику на сырой земле», – говорили проходящие. А он им отвечал: «Земля, правда, сырая и грязная, но я это место особенно люблю и даже лобызаю оное: здесь скоро воздвигнется великолепный храм, и будет совершаться Святейшее Таинство». Сии слова уважаемого всеми о. Иоанна вдруг разнеслись между жителями того места. Они и не думали прежде о постройке церкви, а теперь стали думать о ней и единодушно все пожелали выстроить близ себя храм. Таким образом, с отчислением дворов от других приходов с разрешения начальства составился новый особый приход, а для него, по собрании достаточной денежной суммы, скоро, в течение немногих лет, воздвигнут на указанном о. Иоанном месте великолепный храм. Отец же Иоанн при закладке храма принес прихожанам образ Сретения Господня, который они с почтительною памятью об о. Иоанне с особенным усердием доселе чествуют.

По рассказу протоиерея Василия Протопопова, приходил к о. Иоанну один из граждан елецких с намерением вступить в духовную беседу с ним и, посидев у него, собрался домой. Отец Иоанн, отпуская его, сказал ему: «Теперь ты пойдешь мимо святого алтаря Преображенской церкви, так поусерднее помолись Господу Богу и скорей хватайся за ведро». Тот подивился этим словам и по выходе от о. Иоанна про себя поглумился над ним. Но лишь подошел к своему дому, вдруг закричали: «Пожар! Баня загорелась». Он бросился туда чрез сени, схватил там ведро и потушил пожар, только при этом повредил себе ногу.

Отец Иоанн скончался 20 декабря 1824 года. Перед кончиною на одре болезни несколько раз удостоился принятия Святых Таин. Кончина его была тихая и безмятежная. «*Честна пред Господом смерть преподобных Его*» (Пс. 115, 6). Погребен он 24 декабря в Троицком монастыре.

Очевидец так описывает погребение его: «Гроб его несли до самого монастыря на раменах своих священники, и я удостоился сей чести. Провожал его до могилы весь город и тысячи окрестных жителей. Вопль бедных и нищих почти заглушал пение духовное. «Не увидим мы, несчастные, такого благодетеля и сирот кормителя!» – вопияли одни. «Не увидим такого учителя!» – вопияли другие. «Не найдем такого врача и наставника!» – вопияли третьи, особенно те, которых он из заблуждения привел на путь покаяния».

Над могилою его сделано металлическое надгробие усердием его почитателя – дворянина П. Г. Д.

Много лет прошло со дня смерти его, но город Елец не забыл своего доброго пастыря. Напротив, с каждым годом благоговейное почитание его памяти увеличивалось. До революции еженедельно в субботу над гробом его торжественно совершалась братиею монастыря панихида. День смерти его – 20 декабря – для жителей г. Ельца и его окрестностей становился праздничным днем: накануне служилось торжественное всенощное бдение, в самый день тысячи народа собирались для слушания панихиды по о. Иоанну. После монастырь устроял столы для нищей братии: каждому нищему давали по 5 копеек, по булке и по две порции хлеба. Нищих на сей праздник собиралось более пятисот.

Над могилой о. Иоанна по вере до сих пор совершаются чудеса.

Святитель Тихон Задонский

Из наставлений священникам

В исповеди весьма опасно поступай, чтобы грешников в отчаяние не привести; токожде берегись, чтобы и во обычай греховный не вошел грешник – во обычай грешник удобно приходит, когда грех без наказаний бывает. Обыкновенно священники говорят: "Бог простит, Бог простит", – но смотри, каково его покаяние: истинно ли кается, и впредь от греха обещается ли отстать. Такожде во отчаяние может придти грешник, когда с ним жестоко поступает иерей: греха тяжесть показует, а о великом Божием милосердии не объясняет. Надобно в сем случае иерею и праведный суд Божий грешникам представить не кающимся; а истинно кающимся – неисповедимое Божие милосердие.

По обедни всегда что-нибудь прочитай, хотя краткое, ради поучения людей, а праздника никогда не оставляй без поучения. И где бываешь в приходе, в чьем-либо доме, всегда что-нибудь душеполезное скажи, чтобы люди духовно созидались; ежели кого знаешь, в чем грешит, увещевай его и моли, чтобы перестал от греха, и судом Божиим устрашай, и мукою вечною, и неизвестною жития его кончиною. Горе христианам неисправным и попам, не тщащимся исправлять их! Лица сильного не стыдись и не бойся, но всех, кто грешит, обличай – сие бо есть звание священническое – и всем помощи у Бога проси, хотя и будут тебя за то ненавидеть злые и злословить. Не бойся их: ты делай свое, Бог тебя защитит.

Память святителя Тихона почитая...

В 1827 году завершилась земная жизнь **архиепископа Каменец-Подольского Антония** (Соколова Алексея Федоровича), с 1821 года пребывавшего на покое в Задонском Богородицком монастыре близ места упокоения столь чтимого им святителя Тихона.

Скончался святитель Антоний 29 марта 1827 года, на 57 году жизни. Первоначально был упокоен во Владимирском соборе, в приделе во имя Иоанна Предтечи. Погребение усопшего епископа проходило с большими почестями, в присутствии епархиального руководства.

Минули годы, а за ними – десятилетия. И оказалось, что добрая память, оставленная этим смиренным и мудрым владыкой в сердцах христианских, живет и после кончины чтимого еще при жизни архипастыря. А потому, прислушиваясь к многочисленным пожеланиям почитателей святителя Антония как праведника и человека Божия, епархиальное руководство дало согласие на то, чтобы упокоить его рядом с равными по духу. Как сообщал иеромонах Геронтий, «в 1869 году, из уважения к почившему архиерею, по благословению епархиального начальства, перенесены кости преосвященного Антония I под алтарь Вознесенской трапезной церкви без огласки». Так святитель Антоний занял свое место среди упокоенных в монастырской усыпальнице местночтимых праведников Задонских.

Будущий архипастырь родился около 1767 года в Казанской губернии в семье священника Феодора Соколова. Во святом крещении наречен был Алексеем.

Рос мальчиком смышленным, а потому учение давалось ему легко. По окончании Казанской духовной семинарии с 1 января 1793 года принят был Алексей Соколов на должность учителя грамматики, латинского и греческого языков этого учебного заведения. С ноября 1797 года – катехизатор и префект семинарии.

12 ноября 1797 года Соколов был рукоположен в сан священника. Но недолгой была семейная жизнь Алексея Федоровича. Вскоре он овдовел. И сделал выбор в пользу стези иноческой. 10 октября 1798 года Алексей Соколов принял монашеский постриг с именем Антония от архиепископа Казанского Амвросия (Подобедова) и поступил в Казанскую духовную академию. Есть упоминание о том, что какое-то время

Епископ Антоний (Соколов), с 1810 г. по 1816 г. управлявший Воронежской епархией

Антоний был соборным иеромонахом Александро-Невской Лавры. С 30 августа 1799 года – архимандрит Казанского Спасо-Преображенского монастыря и ректор Казанской духовной семинарии. С 19 января 1800 года – ректор вновь созданной Казанской духовной академии. В 1805 году вызывался в Петербург на чреду священнослужения и проповедничества.

А 2 февраля 1808 года в Санкт-Петербурге состоялась хиротония архимандрита Антония в сан епископа Старорусского, викария Новгородской епархии. 23 сентября 1810 года епископ Антоний (Соколов) переведен был на самостоятельную Воронежскую кафедру. Прибыл он в губернский город 20 ноября 1810 года. По дороге, видимо, посетил Задонск, ибо счел обязательным поклониться месту погребения своего великого предшественника на кафедре Воронежской – святителя Тихона. Так, в воспоминаниях княжны Т. А. Волконской о святителе Антонии сказано: «В первый раз новый преосвященный был в Задонске в половине ноября 1810 года».

Вторично он посетил Задонск на память святителя Тихона в 1811 году.

Из опубликованных в «Воронежской старине» 1811 года выдержек из мемуаров княжны Татьяны Андреевны Волконской мы узнаем, что при святителе Антонии, разделявшем негласное убеждение многих православных в святости упокоенного в Задонске епископа Тихона, память Задонскому чудотворцу совершалась практически столь же торжественно, как и по прославлении его. «Ко дню памяти святителя стекалось в Задонск множество богомольцев и нередко из отдаленных мест, даже из Сибири. Торжественно совершалась память святителя Тихона 13 августа. К этому дню обыкновенно приезжал в Задонск сам епископ для торжественного служения панихиды и заупокойной литургии по святителе. 12 августа в Рождество-Богородицком храме, где почивало тело св. Тихона, совершалось всенощное бдение. На самый праздник, 13 августа, в 9 часов начинался благовест к поздней литургии. Пред началом литургии преосвященный, по облачении, входил в алтарь, прикладывался к престолу и снова с сослужающими выходил из алтаря Царскими вратами; все становились у гроба святителя Тихона. Настоятель монастыря, вышедши последним из алтаря, становился на амвоне лицом к народу и читал духовное завещание святителя Тихона. После прочтения завещания отправлялась большая панихида, после которой совершалась заупокойная литургия. По окончании обедни от монастыря устраивалась на дворе трапеза для богомольцев и нищей братии», – воспоминала Т. А. Волконская.

Но главное, что было сделано преосвященным Антонием в память о святителе Тихоне – это живая проповедь христианских начал на примере жития покойного архипастыря-подвижника. Вдохновлен-

ный рассказами о святителе Тихоне, крупный задонский помещик В. А. Викулин тут же, во время одной из бесед, проходивших по обыкновению у «Тюнина колодца», взял на себя обязательство выстроить в этом месте церковь в память о молитвенных подвигах и трудах св. Тихона, обустроившего здесь лесной родник. И по благословению епископа Антония возведен был помещиком Викулиным храм в честь иконы Божией Матери «Живоносный Источник» на месте уединенного пребывания святителя Тихона в Задонске.

Освящение церкви состоялось 15 августа 1813 г. «После завтрака, – пишет княжна Волконская, – преосвященному угодно было, чтоб все дамы и девушки сажали сами сосны около церкви и ограды; так мы с удовольствием все принялись за эту работу, а сам преосвященный с губернатором сделали начало, посадивши по одной, и в несколько минут все были посажены, и всякая свою должна была полить из колодезя Живоносного Источника».

Весьма попечителен святитель Антоний был о нуждах образования. «Воронежская епархия в лице Антония I открыла в добровольных пожертвованиях могучее средство для развития образования», – заметил один из историков. В частности, 1814 году епископ Антоний разрешил Задонскому монастырю в память о святителе Тихоне содержать на свои средства от десяти до двенадцати беднейших учеников. В 1815-1816 годах с разрешения преосвященного и стараниями архимандрита Самуила в Задонском монастыре был выстроен каменный корпус для приходского и уездного духовного училища, что и стало основой для открытия в 1819 году четырехклассного приходского духовного училища в Задонске.

Епископ проявлял пристальный интерес к судьбе Задонских святынь. Еще в 1814 году он обращал внимание Святейшего Синода на то, что «по уважению к чудотворной иконе Богоматери Владимирской и к памяти святителя Тихона стекается большое число богомольцев разного звания из отдаленных мест России в обитель Задонскую».

В годы Отечественной войны 1812 года епископ Антоний благословил ополчение, принимал деятельное участие в сборе пожертвований. По его благословению Воронежская духовная консистория разослала по приходам указы, в которых настоятели монастырей и духовенство приглашались к пожертвованиям деньгами, вещами серебряными и золотыми. От монастырей, приходов и клира Воронежской епархии было собрано более 50 тысяч рублей. «Своими изустными и письменными воззваниями он сумел вызвать в духовенстве и пастве

Помещик Викулин, вдохновленный рассказом святителя Антония, обещает выстроить храм на месте уединенных молитвенных трудов святителя Тихона вблиз села Тюнино

общее патриотическое одушевление и желание жертвовать на защиту Отечества своею жизнью и достоянием», благословил многих выпускников семинарии на служение в качестве военных священников. Тридцать шесть человек из церковного клира стали ратниками ополчения. Епископ Антоний, «архипастырь очень деятельный и обладавший редким даром слова», во второй половине 1812 года неоднократно организовывал торжественные молебствия о даровании победы русскому оружию. В Воронеже и Задонске преосвященный Антоний оставил о себе память как о справедливом, строгом и требовательном архипастыре, красноречивом проповеднике.

7 февраля 1816 года владыка Антоний был переведен на Калужскую кафедру с титулом епископа Калужского и Боровского. Здесь он дважды принимал императора Александра I вместе с великим князем Николаем Павловичем – в 1816 и 1817 годах. На Пасху в 1819 году освятил новый кафедральный Троицкий собор в Калуге. Епископ Антоний деятельно заботился о благоустройстве Черноостровского Малоярославецкого монастыря и Доброго Покровского монастыря, пострадавшего от пожара в 1817 году.

15 марта 1819 года преосвященный Антоний переведен на Подольскую кафедру с возведением в сан архиепископа Подольского и Брацлавского. Он снискал там любовь и уважение паствы; посещал светские собрания, стараясь привлечь представителей знати и чиновничества к участию в церковной жизни. 3 апреля 1821 года по прошению уволен по болезни на покой с разрешением поселиться в Задонском Тихоновском монастыре. Архиепископу была назначена пенсия 2400 рублей в год.

Пребывая на покое, владыка вел подвижническую жизнь. Он составил выборку из творений святителя Димитрия Ростовского «Поклонение Страстям Христовым и Пресвятой Богородице» – молитвословие, включенное им в еженедельное келейное правило.

Последние годы жизни он провел в специально устроенных для него скромных келлиях, располагавшихся между Владимирским собором и гостиничным корпусом. Предположительно, после переустройства бывшие келлии святителя Антония служили покоями монастырского наместника вплоть до послереволюционного разорения. Ныне на их месте выстроен новый архиерейский корпус.

Память святителя Антония I совершается в день его упокоения 11 апреля по новому стилю.

Подготовлено с использованием статей А. Фаддеева «Несколько слов о почитании Святителя Тихона при преосвященном Антонии I» (Воронежская старина, выпуск 11) и «Епископ Антоний (Соколов)» (Воронежские архипастыри от святителя Митрофана до наших дней. Историко-биографические очерки. Воронеж, 2003).

Блаженной памяти схимитрополита Серафима посвящается

По молитвам Владыки

Слово преосвященного Никона, епископа Липецкого и Елецкого, сказанное на панихиде по схимитрополиту Серафиму (Мажуга) 7 марта 2004 года

Царство Небесное, место покойное схимитрополиту Серафиму – нашему дорогому Владыке.

Он был как луч света в темном царстве. Это чудный старец. Это раб Божий, который надолго запомнится всем тем, кто с ним был знаком, кто к нему приезжал, кого он благословлял на то или иное делание и послушание. И мне сподобилось быть с ним 11 лет – это последние годы его жизни. Владыка не щадил себя. Он стремился полностью отдать себя послушанию, людям, которые приходили к нему, Господу – в молитве. И не было с его стороны никогда каких-то жалоб или сетований о том, что Господь посетил его болезнью и не исцеляет, как это часто бывает у нас с вами. Все, кто приходил к нему, получали благословение, а через него уже милость и великие благодатные силы, которые давали возможность этому человеку выжить в этом бренном, суетном мире.

Он не был, как отец Виталий, который принимал людей, беседовал с ними, исповедовал, молился со свечками – нет. Владыка постоянно был в Иисусовой сердечной молитве. Он сидел возле окна своей кельи (а келья очень маленькая) и молился. И если кто-то шел из грузин (а как раз мимо его окна проходила тропинка), то они или смотрели на него с любопытством, или кланялись ему, или просили у него благословения, и он через сеточку в окне благословлял их…

У него ничего не было. И не на что было ему что-то строить. Он всю жизнь прожил в нищете. Недаром перед смертью он говорил: «Отец Виталий, а у тебя есть, на что меня похоронить?» Владыка после смерти не оставил никаких денежных средств. Невозможно уловить было на мытарствах диаволу его сребролюбием. Да в чем его можно было уловить? Девственник. Нестяжатель. Молитвенник. Подвижник. Сколько он перенес лишений, и тюрем, и всяких испытаний, и лагерей во время советской власти… Но никогда он не ругал эту власть, никогда не шел на конфликт с ней. Он молился. А знаете, как молитва раздражает диавола? Как лукавый начинает устраивать гонения через людей на всех тех, кто молится? И, конечно, Владыка перенес множество испытаний без ропота, без жалоб, с терпением ожидая свою кончину…

Мы очень привязаны к этому миру. И, конечно, Владыка митрополит также любил все то, что Господом создано, и перед смертью он… заплакал. Это было при мне, до этого я никогда не видел слез ни у схиархимандрита Виталия, ни у схимитрополита Серафима. И он заплакал, чувствуя, что приходит время уйти из этого мира…

В этот день, я прекрасно знаю, что во всех уголках России совершаются панихиды, люди со свечками вспоминают Владыку Зиновия, плачут о том, что он так рано от нас ушел… И, конечно, за его милосердие и терпение, за его подвиги Господь сподобил при его погребении открыть многим святость его жизни. Благодатью наполнен был храм, где стоял его гроб. Такая благодать! И хотелось бы поплакать о том, что лишились мы великого старца, молитвенника, нашего духовного руководителя, да слез не было. Радость была, внутренняя радость сердечная, радость неизреченная. Не только у меня – у всех, кто там был… Множество собралось духовенства, безпрерывно совершались панихиды и литии – тут же, у гроба. С 8 по 11 марта стоял гроб, и день и ночь совершались службы…

…Мы собрались здесь для того, чтобы выразить любовь к Владыке в своей молитве, своей свечкой, своим песнопением и службой. Мы, собравшиеся здесь, помним его, всегда призываем его в своих молитвах. И тем более те, кто его знал, кто с ним встречался и общался. Ничего, казалось бы, «ни вида, ни доброты» не было в нем, но какое внутреннее притяжение… Владыка о себе ничего никому не рассказывал. Этот человек жил сокровенной жизнью. Для него самое главное – у Бога быть в славе, но не у человеков. И, поверьте, вот эта благодать Божия, которая находится в монастыре – это частичка его молитв, его благословения, потому что я получил от Владыки Зиновия благословение быть пастырем Церкви. Я думаю, что и в возрождении духовной жиз-

ни нашего монастыря есть Владыкина заслуга, и притом немалая. Он помогает всем нам, кто имеет к нему дерзновение в просьбе или в получении благословения.

На моих глазах по молитвам несколько человек исцелились: мой родной отец, схимонахиня Таврионa. Это чудо! Я приезжаю к Владыке и говорю: «Владыка, помолись об отце моем – он заболел». Владыка спрашивает: «Он родной у тебя?» Я говорю: «Родной». – «Как его звать?» – «Иоанн». Он тут же помолился – у него кругом в келье иконы. Вскоре я возвращаюсь домой, и отец говорит: «Ходил к врачам – сначала сказали «неисцелимая болезнь», а в другой раз пошел – ничего не обнаружили». Это ли не чудо?

Или случай со схимонахиней Таврионой. Она заболела псориазом. «Отец Никон, – просила меня, – когда будешь у Владыки Зиновия, скажи обо мне, как я страдаю. Может, попросишь травочки какой?» И он действительно дал троицкой травы, матушка ее покипятила, попила – волосы опять выросли. Это же чудо!

Когда Владыка Зиновий пришел в Глинскую пустынь, ему дали послушание на конюшне. «Я, – вспоминал Владыка, – так боялся лошадей… Я их всегда стороной обходил» А сам он был небольшого роста, очень худенький, щуплый такой. Я слушал и думал: «Господи, помилуй! Как же он справлялся?» Да потому, что милость Божия была с ним. И испытание в Глинской пустыни он все прошел. Вспоминая его жизнь, конечно, смотришь и на свою; смотришь и думаешь: «Он никогда не охнул, не вздохнул». Только один раз! И то, я так думаю, через меня. Мы были у Владыки с игуменом Варсонофием, и ночью отец начал свою жизнь рассказывать. А утром Владыка Зиновий пожаловался мне: «Я, – говорит, – отец Никон, всю ночь не спал. Так нога болела! Мы с келейником с лупой искали и нашли маковое зернышко на ноге! – вот это как оспа. – Пока нашли, мазью смазали…» И я понял, что если бы не наша болтовня, воспоминания, если бы мы молились или хотя бы спали – было бы все нормально. Он никогда никому не жаловался, а сказал мне для того, чтобы вразумить меня, что на этом месте нужно молиться. Не нужны никому эти воспоминания, и жалобы, и все приключения нашей жизни.

Когда я сравниваю жизнь наших отцов, матерей, жизнь этих старцев – никакого сравнения! У нас постоянное желание быть здоровыми, в почете! Мы и молимся-то иной раз для того, чтобы что-то приобрести от Бога такое, чтобы всех удивить. Мы стараемся, чтобы нас никто не тревожил, чтобы и диавол обходил бы нас, и болезни миновали… А они не боялись ни гонений, ни преще-

ний, ни тюрем – ничего. Потому что знали, что они шли за Господом. Мы тоже хотим идти за Богом. И в монастырь-то мы зачем пришли? Идти за Господом! Но малейшее какое-то нестроение в нашей жизни, в нашей семье – и все. Вы оставляете все эти иконы, книги, лампадки. Начинаете стонать, начинаете вздыхать… Потому что вера очень слабенькая – мы не чувствуем, что Господь с нами и всегда нам поможет, что от Него это испытание к нам пришло. Он смотрит на нас. Выдержим ли мы его? – И если мы сами стараемся изыскать средства, чтобы избавиться от всякого нестроения, то, конечно, мы ничего не достигнем. А вот когда начинаем приходить ко Господу, молиться начинаем, хотя бы и со слезами просить, начинаем вопиять к Богу – только тогда увидим чудо Божие. Но те столпы, которые помогали нам стойко стоять в вере и благочестии, постепенно, один за другим уходят. Вообще, остались ли они сейчас? Я думаю, что да. Они есть, но уже под спудом и невозможно их увидеть. И, вероятно, Господь не дает их нам не только из-за того, что мы будем докучать и обременять их. Нет. Потому что мы, по нашему маловерию, не исполним то, что нам будет сказано (благословлено) старцем.

То, о чем говорил Владыка Зиновий, многие только потом познали. Нужно было бы исполнять то, что он говорил, а мы сомневались, своими мерками мерили; «а вдруг старец или этот… высокопреосвященнейший митрополит ошибся? Может, он не понял моего вопроса?» Но все, как он говорил – все исполнялось, только уже через продолжительное время…

Он не имел телевизора, но на столе у него постоянно были свежие газеты. Он знал, что совершается в мире, может быть, и без всяких газет, но все равно просматривал их. Владыка непрестанно молился. И эту молитву все чувствовали. И ту благодать, когда он благословлял трапезу. Вкушали мы совсем немного, зато как все было сытно! Перед трапезой мы никак не могли дождаться, когда же Владыка позовет нас на обед! Под ложечкой сосало. Мы поражались. Я даже однажды говорю: «Батюшка, да почему ж такое?! Я думал, я сейчас столько съем…» А он говорит: «Так это трапеза-то Владыкина». Что тут можно сказать?

Владыка был лучом света в темном царстве нашей жизни. И сейчас он освещает нашу жизнь, наш путь, помогает, где нам должно пройти, не споткнувшись от всяких претыканий и преград на этой бренной, неустойчивой земле. Я призываю вас: просите его, чтоб он помог каждому из нас устоять в этом мире от всяких искушений, испытаний и зол. Просите благословения и Владыкиных молитв…

Свято-Троицкий Тихоновский женский монастырь в Задонске

(Часть 5)

Минуло около 6 лет с тех пор, как девицы Наталья Поваляева и Матрона Журавлева, назначенные епархиальным начальством *старшими сестрами*, возглавили странноприимную общину, учрежденную Матроной Наумовной Поповой. «Нестроения» в общине продолжались, и управительницы, в конце концов, сочли разумным «удалиться зла» и отказались от доверенного им руководства.

Вопрос решался явно с участием епархиальных властей, так как на освободившееся место из Воронежа была тут же направлена рясофорная послушница Воронежского Покровского женского монастыря Порфирия (Алисова). В 1867 году матушка Порфирия была утверждена *начальницей* Тихоновского общества сестер милосердия.

27 февраля 1867 года преосвященный Серафим, епископ Воронежский, направил следующее предложение духовной консистории: «*Рясофорные послушницы Покрово-девичьяго монастыря Порфирия Алисова и Екатерина Наумова назначаются мною, первая – начальницею Задонского Тихоновского странноприимного дома сестер милосердия, а вторая – ее помощницею, которые и имеют вполне заведывать хозяйственною частью сего странноприимнаго дома и наблюдать за нравственностью живущих в нем. Протоиерей же Алексеевский, доселе заведывавший сим странноприимным домом, по неимению в нем лиц способных к управлению им, отселе должен ограничиться только отправлением богослужения в нем*».

Предложение правящего архиерея было неукоснительно выполнено. Состоялась официальная сдача имущества странноприимного дома протоиереем Алексеевским. При этом был передан новопоставленной начальнице и принадлежащий странноприимному дому капитал в 4536 рублей.

Так, постепенно, духовное завещание Матроны Наумовны Поповой, желавшей устроения женской монашеской общины при основанном ею странноприимном доме, начало обретать реальные черты. А потому и решено было ходатайствовать о пе-

До семи тысяч человек в год обогревал и кормил странноприимный дом в г. Задонске, основанный Матроной Наумовной Поповой

реносе сюда захоронения самой Матроны Наумовны, покоившейся изначально под сводами «Митрофановой пещеры» Богородицкого монастыря, среди местночтимых Задонских подвижников благочестия. И 3 сентября 1869 года по разрешению Св. Синода в храм общины было перенесено тело Матроны Поповой. Упокоена была здесь матушка-основательница в особом склепе с правой стороны выстроенной на оставленные ею средства домовой церкви во имя иконы Божией Матери «Всех скорбящих Радость».

Но до окончательного устроения сестринского общежития по строгим правилам иночества было еще далеко. В частности, формально вступившей в должность Порфирии Алисовой еще предстояло на деле доказать свою способность успешно вести дела общины, сестры которой отнюдь не отличались покладистостью нрава. Уже на первых порах новой начальнице пришлось столкнуться с «некоторыми непорядками и самочинием сестер».

Считая нужным оградить каменною оградой всю территорию, занимаемую постройками странноприимного дома, Порфирия летом 1870 года распорядилась снести некоторые отдельные келлии, стоявшие на линии застройки. Жившие в этих келлиях сестры, во главе с крестьянкой Матроной Белозеровой, поначалу согласились было перейти в корпус, расположенный внутри будущей ограды. Но, поразмыслив, «возмутились и отказались подчиниться распоряжению начальницы». А затем «возмутили и других, так что образовалась целая партия недовольных и строптивых».

Дело дошло до того, что непокорные чернички подали жалобу на свою начальницу мировому судье, обвиняя ее в самоуправстве. И закон оказался на стороне истиц, так как определенные под снос кельи были выстроены на земле, использовавшейся странноприимным домом с устного согласия владельцев, без юридического оформления прав собственности. Так что мировой судья, выслушав и истиц, и ответчицу, принял решение «о восстановлении нарушенного владения Марьи Белозеровой с прочими». Начальницу общины Порфирию заставили снести часть ограды, уже выстроенную на спорной территории.

Но худа без добра, как известно, не бывает. И, как справедливо замечает А. М. Правдин: «*Это, по существу, неважное, судебное дело, причинившее начальнице много горя и наивных страхов вследствие совершенной неопытности и беспомощности ее в процессуальных порядках, имело тот благотворный результат, что заставило, так сказать, встрепенуться духовное началь-*

ство, напомнив ему о неотложности принятия мер к упрочению юридического положения странноприимного общежития».

И пришлось руководству епархии Воронежской позаботиться о скорейшем исполнении еще остававшихся нереализованными требований Синодального указа от 11 мая 1860 года.

В октябре 1871 года начальница Тихоновской общины сестер милосердия Порфирия, исполняя предписание консистории, представила обширное и подробное донесение о денежных доходах и расходах заведуемого ею дома, о существующем порядке принятия новых сестер, о том, как и на какие средства содержатся призреваемые странники. Перечислены также были в этом отчете здания, принадлежащие странноприимному дому, с указанием того, на чьей земле, за чей счет и с каким назначением они были построены. Прилагались к отчету документы на жертвуемые земли, а также проект правил об устройстве и управлении странноприимным домом в Задонске.

Всего, по ведомости за 1871 год, в странноприимном доме числилось 115 женщин. Из них 4 – из духовного сословия, 1 – из купеческого, 10 мещанок, 1 однодворка, 1 казачка и остальные 98 представляли крестьянство. Постоянно жили в странноприимном доме, помимо сестер, 12 призреваемых больных старик и 6 девочек, воспитывающихся «там же».

Доходы странноприимного дома, на момент составления матушкой Порфирией «донесения», доходили до 5 тысяч рублей в год. Кроме того, ежегодно от соседних землевладельцев и землепашцев в виде пожертвований Тихоновская община получала до 5 тысяч пудов ржаной муки, до 50 четвертей пшена и «другие разные жизненные припасы». Этих «непокупных продуктов» вполне хватало. Пожертвованным «продовольствуются как все живущие в доме, так и принимаемые в нем странники и богомольцы». А таковых насчитывалось немало.

Странников призревалось ежегодно до 7 тысяч человек. При этом странники, имеющие свои средства, пользовались в доме безплатно только помещением и обслугою, а неимущие еще и получали безплатное питание. Заболевшие оставались здесь до выздоровления. При отправлении в путь выздоровевшим больным из средств странноприимного дома выдавали вспомоществование. Если же заболевший умирал, то погребение его осуществлялось за счет странноприимного дома.

Из недвижимости «во владении своем» Тихоновская община имела только в Задонске 7 десятин 952 квадратных саженей усадебной земли, «доставшейся от разных лиц». В числе тех, кто пожертвовал землю, назывались: мещанин Кирилл Добычин, мещанка Марфа Добычина, протоиерей Петр Алексеевский, мещане Авчинниковы, вдова иностранца Мария Бремель, заштатный диакон Задонского Успенского собора Кондрат Львов и надворная советница Вера Акатова. Сверх того, в пользу странноприимного дома было пожертвовано женой генерал-майора Надеждой Коровкиной 80 десятин. Передал общине права на 10 десятин пахотной земли близ села Яблоново Задонского уезда и крестьянин Иван Печенкин. А еще обещано было «женою майора Мариею Охотниковой» 49 десятин 2003 сажени в Землянском уезде. Всего пахотной земли числилось за странноприимницами из Задонска 130 десятин.

Все эти сведения, представленные в Воронежскую духовную консисторию, учтены были при подготовке соответствующего рапорта Святейшему Синоду, на составление которого ушло по разным причинам еще около 5 лет.

Меж тем наступил год 1875-й, ставший последним летом жизни земной неустанного попечителя Тихоновской общины – протоиерея Петра Алексеевского. Скончавшийся 11 марта, он был с подобающей честью погребен в склепе Скорбященской церкви, рядом с Матроной Наумовной, ради исполнения духовного завещания коей он так много потрудился...

(Продолжение следует)

Текст данной публикации основан на статьях А. М. Правдина «Женские монастыри Воронежской епархии, основанные в XIX веке» и П. В. Никольского «Задонские монастыри, как памятник святителю Тихону».

О суете человеческих желаний

Человек – мгновение вечности и дитя временной жизни, долг непреложной смерти, удобоистощающаяся природа; сегодня он угрожает, а завтра – умирает. Сегодня в богатстве, завтра в гробе. Сегодня между льстецами, а завтра между червями. Сегодня он есть, а завтра его нет. Ныне он свирепствует, а вскоре оплакиваем бывает. В благополучии он неудержим, а в несчастии безотрадно-отчаянен. Сам себя не знает, а о превосходящих его любопытствует и критикует. Настоящего не знает, а о будущем рассуждает. По природе смертен, а по гордости, как сам о себе мнит, вечен.

Не бушующему ли морю уподобляется человеческая жизнь? Не сильнее ли ветра стремится иногда человек на поражение друга своего? Не так ли, как в буре морской, по всем злым делам мы носимся: один у другого имение отнял, тот у того подговорил слугу уйти, иные о распределении земли ссорятся, другие о постройке и владении дома друг на друга жалуются. Богатые от попечения о прибылях страдают, заимодавцы от многомыслия издыхают, грабители жизнь других возмущают, клеветники ложью торгуют.

Итак, всех к злодеяниям приверженных видя и такую мятежную жизнь порицая, пророк говорит: всуе мятется всяк человек живый.

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ,
№21, 1906 г.

Паломники рассказывают

Сердце истину искало...

(фрагменты воспоминаний лаврского старожила)

Игумен Виссарион

(Окончание, начало в № 33-34)

Матушка Магдалина

...До пострига ее звали Таисией. В молодости Таисия со своей двоюродной сестрой пошла к одной прозорливой матушке. Сестра была болезненная, и хотели, чтобы матушка благословила ее в монастырь, а Таисию замуж. А матушка и говорит сестре: «Через три дня приедет из деревни жених – это твоя судьба: выходи за него». И правда: через три дня приехал парень, они познакомились, и сестра вышла замуж. А Таисии матушка ничего не сказала.

Прошел месяц. Таисия пришла и говорит: «Если нет воли Божией мне выходить замуж, то благословите меня в монастырь». А матушка отвечает: «Да какие там монастыри – их скоро не будет! Помогай при храме, пой, читай». И она пела, читала. А потом начались гонения от советской власти на Церковь и всех церковных арестовали. Священникам дали большие сроки, а остальным по десять лет. Храм у них был трехпрестольный – Успения Божией Матери, пророка Илии и святителя Николая, и потому Таисия взяла с собой в ссылку три маленькие иконочки. Всю неделю работала на фабрике, а в воскресные дни выходила в лесок, развешивала свои иконочки на кустиках и начинала молиться: «Матерь Божия, да что это: десять лет! Это много, это очень много! Давай поделимся: часть – Тебе, часть – мне, часть – святителю Николаю, а часть – пророку Илии». Проходит два с половиной года (т.е. четверть срока), и из семисот человек, работающих на фабрике, вызывают ее одну и говорят: «Ты свободна». Что просила, то и получила: «поделились».

В ссылке познакомилась она с матушкой Михаилой. Та до революции хотела стать врачом, окончила институт, но не успела получить диплом. По окончании срока поселились они вместе в Сергиевом Посаде – матушка Михаила и Таисия.

Таисия была ниже среднего роста. Исповедовалась сначала у отца Кирилла, потом перешла ко мне. Если я на исповедь не выходил, она перед причастием передавала мне исповедь, написанную на бумаге, а в храме под разрешительную молитву подходила к любому другому батюшке.

Она очень хотела принять постриг, однако матушка Михаила была строгой и сказала ей: «Только перед смертью». Но вот однажды приходит ко мне мать Михаила и говорит: «Отец Виссарион, матушка моя умирает – надо ее срочно постричь». А мы уже собирались уезжать на Афон, и я всех своих чад передал отцу Андриану. Я ей так и сказал. Тогда она пошла к отцу Тихону, а он и говорит: «Пойди, скажи Виссариону: "Не я велю, а Матерь Божия: пусть Виссарион постригает"». Тогда я собрал все, что нужно, и пошел.

Обычно, если я постригаю, то всегда называю на начальную букву бывшего имени, а тут, думаю, раз она умирает, так пусть умирает в день своего Ангела – назову ее Магдалиной. Открываю чин пострига, а там сбоку карандашом написано: «Магдалина». Отец Тихон потом сказал: «Это воля Божия».

Но в тот день монахиня Магдалина не умерла – она жила потом еще одиннадцать лет.

Когда я приехал с Афона, иногда ее навещал: исповедовал, причащал, соборовал. Но квартира их была не близко, и я к ним редко заходил. А потом оказалось, что если меня долго не было, мать Магдалина молилась Матери Божией Иверской, чтобы я пришел. Захожу, а она: «Ой, пришел батюшка! Я же молилась Иверской Божией Матери, я Ее так просила!..»

Схимонахиня Маргарита

Она маленькая такая была, худенькая – питерская княгиня. Брат у нее – генерал, Алексеем звали. А сама Маргарита училась с царскими фрейлинами. Однажды царица Александра даже пригласила ее на чай. Маргарита рассказывала: «Когда мой брат поехал к царю по делам, я нарядилась и отправилась с ним к царице – я у царицы чай пила».

Еще она говорила, что тетка ее была очень благочестивой и на горе Елеон основала женский монастырь. Когда Маргарита приезжала к ней в Иерусалим, то жила при монастыре. Маргарита была скромной, молчаливой, и когда встречалась с монахинями, положив им поклон, почти всегда уходила. За это некоторые из них ее невзлюбили: «Ты гордая: с нами не хочешь беседовать», – говорили они.

Началась гражданская война. Маргарите дали послушание сопровождать раненых солдат и больных паломников в Россию. На Черном море турки взяли их корабль в плен. Одна богатая турчанка позаботилась о них, и их высадили в Румынии. Кое-как они добрались до Одессы, но вернуться в Иерусалим Маргарита уже не смогла – в России совершилась революция 1917-го года.

Узнав, что в Сарове живет прозорливый старец, Маргарита заказала себе разноцветный халат и, назвавшись «Марьей-Дарьей», юродствуя, пошла пешком из Одессы в Саров. Сидит она в очереди к стар-

цу, вдруг выходит послушник и спрашивает: «Кто здесь Марья-Дарья? Заходи». Старец с ней побеседовал, утешил и благословил спасаться юродством.

Потом она отправилась в Нижний Новгород и жила при храме в затворе восемнадцать лет. А для причастия выходила в алтарь.

Когда в 1946 году открыли нашу Лавру, Маргарита приехала в Сергиев Посад и поселилась на квартире у матушки Александры. Здесь мы и познакомились с ней (я тогда еще семинаристом был). Приехала ко мне как-то мама и случайно встретилась с Маргаритой. Разговорились. Маргарита и говорит моей маме: «Надо Вам к нам. К нам надо». Я, конечно, обрадовался. И после этого, когда мама приезжала, всегда неизменно останавливалась на квартире у матушки Александры.

Маргарите все было открыто – даже мои грехи: она иногда обличала меня…

Каждую неделю она причащалась. А когда болела, ее причащали на дому. Чаще всего это делал отец Тихон, реже – отец Кирилл, позднее ходил отец Наум.

Однажды в Великий пост я причащал в их доме инокиню Анну и зашел со Святыми Дарами к Маргарите. Она говорит: «Я не готова. Завтра». Прихожу на следующий день. Она причастилась. Я спрашиваю у квартирной хозяйки – матушки Александры: «Можно у Вас постриг сделать? Одна раба Божия просила, чтобы я ее постриг». Мать Александра отвечает: «Можно». А моя мама говорит: «Надо у Маргариты спросить». Маргарита вышла после причастия такая сияющая – даже страшно было на нее смотреть: «Отец Виссарион, о чем вы тут толкуете?» Я отвечаю: «Матушка, да я хочу здесь постриг сделать». А она: «Отец Виссарион, ты еще молод, рано на страдания напрашиваешься. Придет время – пострадаешь. Еще будешь постригать». И вдруг говорит: «С сегодняшнего дня ты мой духовник». Я думаю: «Какой же я духовник? У нее отец Тихон духовник», – и не придал ее словам значения. А она часто после этого моей маме говорила: «Виссарион плохо спасается. Я за него молюсь – он мой духовник». Ну, конечно – «хорошо» я никогда не спасался…

Потом, когда уже перед смертью Маргарита заболела, и надо было ее соборовать, послали меня. Причастил я ее только на другой день, потому что соборовал после обеда. Она причастилась, а потом и говорит: «Отец Виссарион, спаси тебя Бог за любовь – еще на Афоне побудешь». А моей маме сказала: «Через три года вернется». То до этого одиннадцать лет говорила: «Скажите ему, пусть не собирается на Афон: не возьмут, не поедет». А перед смертью сказала: «Еще на Афоне побудешь». Это были последние слова, которые я от нее слышал.

Отец Виссарион в усыпальнице Русского Пантелеимонова монастыря на Афоне с черепом преподобного Силуана Афонского (фото 1972 года)

Отпевали Маргариту в Лавре в Трапезном храме. Отец Пимен – он сейчас архимандрит – перед отпеванием сказал: «Отец Виссарион, я буду отпевать Маргариту, а ты ей будешь разрешительную молитву читать». И только тогда дошло до меня значение ее слов: «С сегодняшнего дня – ты мой духовник». То есть не в прямом смысле духовник, как наставник, а в том смысле, что я ее перед смертью соборовал, я причащал, я же и разрешительную молитву читал. А ей это было открыто еще за два года.

По милости Божией, хоть и недостоин, я встречал в своей жизни прозорливых. Но Маргариту я считаю особой величиной. И одной из самых своих близких.

Блаженная Евдокия

Ходила к нам в Лавру молиться одна раба Божия – юродивая Евдокия. Я ее очень любил: она была убогенькая, но чувствовалось – молитвенница!

Я неоднократно замечал, что она была прозорливой. Когда монастырские власти назначили нас, несколько человек, на Афон, мы собирались в дорогу, укладывали вещи. И в эти дни я встретил Евдокию. Говорю: «Помолись – я еду на Афон». А она: «О-о-о! Буду молиться: может быть, преподобный Сергий оставит!» И, действительно, одиннадцать лет мы числились в списках, но греки нас не пускали. Потом все же дали разрешение, и мы должны были выехать с паломнической группой. Это было в августе 1969-го года. Шел я как-то перед отъездом в Троицкий собор и недалеко от Духова храма встретил Евдокию. А она говорит: «Я молилась преподобному Сергию: может, он тебя оставит». Поездка тогда сорвалась: паломническую группу пропустили, а нас задержали еще на полгода.

В то время я был на послушании в Духовском храме – торговал иконами. И каждую пятницу ездил в Москву, в Сокольники, на склад. И вот, помню, один раз приехал, и пока в машину грузили иконы, вышел с территории храма и пошел по улице. Вдруг смотрю: идет Евдокия. Увидела меня и начала копаться в своем рубище. Набрала много-много стареньких рубликов и протягивает мне. Я, конечно, не хотел брать, потому что иногда и сам помогал ей – она ж убогая. Но тут она настояла: «Нет-нет, бери – будешь молиться за меня», – видно, уже чувствовала, что мы с ней в последний раз видимся…

Потом, когда я уже вернулся с Афона и был в Москве, узнал, что Евдокия незадолго до смерти приняла иночество с именем Евпраксии.

На Афоне

На Афоне я был три года – с 1970-го по 1973-й. По-немецки знал два-три слова, по-гречески мог немного разговаривать – для общения этого было достаточно. Но по сравнению с современными нашими семинаристами я мало знал.

На Афоне есть очень интересный обычай: когда монах умирает, его хоронят без гроба – просто заворачивают в мантию и погребают возле церкви. А через три года откапывают и смотрят: если череп светлый, тогда его кладут в храме в усыпальнице – на стеллажах. А косточки складывают в притворе. Это делается потому, что на Афоне нет места для кладбища. Косточки могут быть все попутаны, а черепа обязательно подписаны.

Но если черепа темные, тогда их закапывают еще на три года и усиленно молятся: значит, у этого человека еще есть нераскаянные грехи. Бывает, что и через шесть лет черепа все еще темные. Тогда их закапывают на третий период. А если и через девять лет они не посветлеют, то за такого человека уже не молятся. Но в большинстве случаев они светлеют, потому что молитва очень сильна.

Однажды мне рассказали такой случай. Похоронили монаха. Через три года откопали, а у него все, конечно, истлело, кроме костей, черепа и… желудка. Как раз в то время на Афоне был в гостях епископ из России, и ему поведали об этом случае. Он сказал, что надо разрезать желудок. Когда разрезали, оказалось, что внутри было золото: когда монах умирал, то от жадности съел золото, которое у него было. Это говорит о том, какой страшный грех сребролюбие.

Потом еще около церквушки в честь Успения Божией Матери есть стена. И один ее участок полностью черный. Оказывается, там похоронили эконома. Жил он еще при старцах Иерониме и Макарии и против их воли построил здание (которое сейчас сгорело). Когда он скончался, похоронили его возле той самой стены. А через три года оказалось, что лежал он нетленный, но весь, как уголь, черный. И даже стена по Божию смотрению в том месте, напротив которого он был похоронен, почернела…

Некоторые спрашивают: «Ты на Афоне молился?» Я отвечаю: «Молился. Но все молились о своих грехах, а я плакал перед образом преподобного Сергия: "Преподобный Сергий, возьми меня назад!"» По моей греховности неуютно мне там было, я разочаровался в Афоне, не увидел примеров для подражания. В то время еще жив был старец Паисий, но я этого не знал. Неблагодарным оказался перед Афоном и перед Матерью Божией – я это чувствую. Ведь сейчас наши монахи туда едут и очень хорошо потом обо всем отзываются.

В 1973-м году я вернулся в Россию. Отец Сампсон (Сиверс) тогда сказал обо мне: «Я ж ему говорил, чтоб он не ездил!» Действительно, я как-то был на всенощной в соборе в Москве и, увидев его, подошел. А он мне сразу: «Не надо ехать на Афон».

Как предсказал мне отец Александр (Беликов), что будут великие трудности, так и случилось: трудности были такие, что живым я остался, наверное, только чудом. Я ж на Афоне «проболтался»: высказался в том смысле, что советская власть – это власть антихриста, и что все равно скоро будет ее крах. И это попало в газету. Что потом было – не передать… А когда я приехал в Россию и вернулся в монастырь, меня вызвали и сказали: «Ну, Виссарион, не будешь болтать – будешь в монастыре жить, будешь болтать – полетишь с монастыря. И чад поменьше заводи». Запретили меня в служении и направили из Лавры в Псково-Печерский монастырь на общие послушания. Кельи мне не дали – жил вместе с рабочими.

Но по натуре я непослушный, строптивый: через какое-то время снова приехал в Лавру. Много, конечно, пришлось всего пережить, но преподобный Сергий сжалился, взял назад. И теперь вот какой год я уже опять здесь, в его Святой Обители…

Обычай прощения обид

Аще отпущаете человеком согрешения их, отпустит и вам Отец ваш Небесный (Мф. 6, 14). Вот чего требует от нас Господь, вводя нас в наступающие дни святого поста и покаяния: прощать своим ближним обиды, оскорбления и вины их против нас, И, кажется, эту заповедь Господа мы исполняем: в воскресенье перед Великим постом христиане имеют благочестивый обычай просить прощения друг у друга. Посмотришь по наружности: как братия, люди кланяются друг другу, исповедуют свои согрешения и молят о забвении, прощении. Если б это было так не на словах только, а на самом деле, какой бы это был всенародный праздник любви, мира и торжества! К сожалению, обычай этот потерял ныне свою силу: многие уже не исполняют его, другие смотрят как на простой обряд; большею частию уста говорят, а сердце холодно и так же коварно, как прежде; иные же вопиют против самой заповеди, ссылаясь на трудность ее. Откуда же произошел этот обычай и можно ли его исполнять?

Благочестивый обычай этот вышел из древних святых обителей. Когда наступали дни поста, в них начиналось движение: все готовились в путь, оставляли свои одинокие келлии, прощались друг с другом, повергаясь на землю, и на целую четыредесятницу уходили в пустыню, чтобы погрузиться в совершенное безмолвие, не видеть ничьего лица и ходить пред одним Богом. Нам теперь и не верится, что было такое время. От монастырей этот обычай перешел в мир житейский, когда благочестивые люди, подражая им, прекращали на время четыредесятницы

свои обычные сношения со всеми, прощали и просили прощения, чтобы иметь мир в совести, отказывались от самых невинных удовольствий, налагали на себя молчание даже в семействах своих.

Есть ли что похожее в наше время у нас, христиане?! Еще первая седмица как будто имеет власть над нами: как-то и совесть зазирает, и люди осуждают; а потом снова обычные занятия пойдут своим чередом, все те же люди с прежними страстями, обидами, коварством. Какой же смысл имеют эти некогда знаменательные слова взаимного прощения и что значит самый некогда трогательный обычай?

Что же делать, говорят, когда люди стали так враждебны и лукавы? Нельзя же прощать злым, нельзя давать себя в обиду, не надо попускать злу распространять свой яд, расчитывая на прощение, слабость. Вникнем в слова Господа: *аще отпущаете человеком согрешения их.* Согрешения – это погрешности, ошибки, обиды ненамеренные, вред неумышленный, зло, происшедшее не из задуманной цели, но случайно, по непредусмотрительности. Вот какой род обид разумел Иисус Христос, когда давал заповедь о прощении их! Он знал, что большая часть обид делается не от злого сердца. Он хотел, чтобы мы не обвиняли своего ближнего, не приписывали ему дурных намерений, недоброго сердца, худых замыслов на нас. В шутку что-либо о нас сказали, осудили наш недуг или слабость: что ж это за обида? Это празднословие моего ближнего, за которое он же и ответит пред Богом. Положим, тебе нанесен действительный вред от ближнего, но ты узнай, было ли в намерении у него сделать тебе зло, или обстоятельства так расположились, что вышло ему добро, а тебе зло: чем же опять он виноват? Не случается ли, что иногда мы сами помогаем ко вреду себе: считаем себя оскорбленными в своем самолюбии, раздражительно начинаем говорить и действовать против других, вызываем их вражду и таким образом сами себе создаем врагов; чем же тут виноват ближний наш? Так учит смотреть на обиды наши взаимные Господь: снисходительно, без неприязни к ближнему, с пользою и вразумлением для себя самих; а при таком взгляде как легко исполнить заповедь – *отпускать согрешения человеком.*

Но есть другого рода обиды, наносимые нам от лукавых людей, обиды приготовляемые, намеренные, вырабатываемые в тиши уединения и направляемые к действительному злу: надобно ли отпущать их? Были такие люди во времена Господа: это мрачные, суровые, лицемерные фарисеи, книжники и надменные своею властию архиереи, которые неустанно, шаг за шагом, следили за Господом, мучились досадою, что не находят в Нем ничего к обвинению Его, сплетали советы, злоумышления, клеветы. Есть и теперь такие люди, вы их легко узнаете: они смотрят мрачно, они не любят прямых, честных людей, им неприятна людская светлая радость; они в своей стихии, когда вносят раздор, когда успевают клеветою очернить доброе имя, когда удовлетворяют своему зложелательству. Господь учил от таких людей защищаться, предусматривать их замыслы, разрушать их коварства. Когда Он посылал апостолов в мир языческий и предсказывал им, что их встретят злые люди, Он сказал им: «Вот, Я посылаю вас, как овец в средину волков: остерегайтесь таких людей; будьте мудры, как змии, и чисты и незлобивы, как голуби» (ср.: Мк. 10, 16-17).

Когда Господь с учениками Своими страдал и молился в саду Геф-симанском, когда Он уже видел, что приближаются страшные минуты, когда злоба врагов восторжествует, Он боялся за учеников и говорил им: *бдите и молитеся, да не внидете в напасть* (Мф. 26, 41). Вот те оружия, коими мы можем защищаться от врагов: благоразумие и осмотрительность, честность и кротость голубя, и – молитва. Нет ничего мучительнее для лукавых людей, если их коварные действия обличены, их наветы усмотрены, их коварства разрушены, их дорогие замыслы обращены в ничто. А ты иди себе прямою честною дорогою: что же ты будешь за христианин, если потеряешь веру, если при первом нападении поникнешь духом, если хоть на минуту усомнишься в избранном тобою пути. Может случиться и то, что враги окружат тебя, стеснят, твой дух поколеблется, придет в смущение, уныние: укройся тогда под защиту молитвы. Молитва введет тебя в высший мир, где умолкают все рвения и распри, где забудется вся мелочь и пустота жизни и где чувствуется дух неземного общения мира: и не страшен будет враг со всеми его ухищрениями.

Прощеный день в крестьянской семье

Попросим же прощения в наших невольных и вольных грехах друг против друга, а от лукавых людей да избавит нас Господь!

Из поуч. Прот. В. Гиляровскаго
ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ, №5, 1906 г.

Оптинский старец послушник Елиссей

В дни великаго старца о. Амвросия, когда он бывал на даче, нередко посещал здесь старца другой замечательный оптинский подвижникъ, послушник Елиссей. Удивительно было смирение сего раба Божия Елиссея. Однажды игумен Исаакий стал предлагать ему постричься в мантию или хоть в рясофор, и даже требовал сего с угрозою. «Иначе, – говорил он, – я тебя пошлю на кухню». «А вот мне, – отвечал Елиссей, – и рясофор». «Я тебя на поклоны поставлю», – продолжал грозить о. игумен. «А вот мне и мантия», – отвечал смиренный подвижник.

Пребывая долгое время в лесном уединении, он поистине сделался как бы дитя природы. Лесных птичек зимою из рук кормил. Выйдет на воздух, посыплет себе на голову, на бороду и на руки конопляного семени, и лишь только проговорит: «птички, птички, птички!» – как со всех сторон они на него, – какие сядут на голову, на бороду, какие на руки и всего его облепят. Не раз оптинские монахи были очевидцами этой картины. Случалось Елиссею во время обхода леса и с волками встречаться, но они его не трогали и проходили мимо.

Христианская поэзия

Ночь опустилась на грешную землю –
Так велика и проста.
После трудов монастырь тихо дремлет,
Спит под покровом Христа.

Бог ограждает обитель незримо –
И на соборе кресты
Верною стражей стоят нерушимо,
Светятся из темноты.

Только в одном лишь окошке не гаснет
Свечка всю ночь напролет:
Молится инок, усердно и часто
Богу поклоны кладет.

Справа невидимо Ангел-хранитель,
Слева – исчадие зла.
Но не оставит Господь-Избавитель
Душу, что верной была.

Может, не сразу, но демонов козни
Все же рассыплются в прах...
А над обителью светятся звезды
В тихих ночных небесах.

Инокиня Любовь (Коновалова)

«ЗАСИЯЙ, МОЯ РОССИЯ!»

Для тебя, моя Россия!
Моя светлая страна!
Пусть горит неугасимо
В сердце яркая свеча!

Ты, Россия, вся воскресни
Возродись из пепла ты.
Пусть горят повсюду свечи
И цветут в тебе цветы!

Ярким пламенем сияй ты,
Вся в Божественной любви.
Пусть в тебе же воссияет
Свет Христовой красоты.

И Божественною птицей
Вознесись ты в небеса
Будь, Россия, ты царицей,
Засияй, моя краса!

Марина Невская

ЛЮБОВЬ

Любовь всегда прощает зло
И все неправды покрывает.
Любовь всегда творит добро
И все невзгоды забывает.
Любовь все терпит до конца
И верит искренне и чисто.
Когда любовь живет в сердцах,
Блестят в глазах огни лучисто.
Приносит она мир, тепло...
И тает лед, январский холод.
И льется из груди добро
К тому, кто стар иль молод.
Любовь не ищет своего,
Любовь не требует награды.
Любовь – безценный дар Того,
Кто Сам Любовь...
Любви все рады.

Е. Х., г. Елец

* * *

Когда смущает сердце страх
Упреком совести тревожной,
Спеши упасть пред Богом в прах
С слезой раскаянья неложной.

Припомни кроткий взор Христа
В тот миг, как Он в венце терновом
За нас, истерзанный, с Креста
Молил Отца смиренным словом.

Убийцам злобный грех простить,
И верь, Он хочет искупить
Твой грех по благости безмерной,
Лишь должен ты нелицемерно
Обет – закон Его хранить.

С. Анненков

О трех деревьях

Народное сказание

Давным-давно на вершине горы стояли три маленьких деревца и мечтали о том, чем бы они хотели стать, когда вырастут.

Первое деревце взглянуло на звезды, мерцавшие над ними, как алмазы, и сказало: «Я хотело бы обладать сокровищами. Я хочу, чтобы меня покрыли золотом и наполнили драгоценными камнями. Я буду самым красивым сундуком на всем свете!»

Второе деревце посмотрело на море и сказало: «А я хотело бы стать прекрасным кораблем, чтобы бороздить великие воды и служить могущественному царю».

Третье деревце посмотрело на лежащий в долине шумный город и сказало: «Я хочу вырасти таким высоким, чтобы люди, остановившиеся посмотреть на меня, поднимали глаза к небесам и задумывались о Боге. Я буду самым высоким деревом на всем свете!»

Шли годы. Три деревца стали высокими и крепкими деревьями.

И вот однажды на вершину горы взобрались дровосеки. Под ударами их топоров три дерева упали на землю.

Первое дерево обрадовалось, когда оказалось у плотника, но его не покрыли золотом и не наполнили драгоценными камнями. Из него сделали ящик и поставили в хлев. Оно стало кормушкой для скота.

Второе дерево принесли на корабельную верфь, но смастерили из него простую рыбацкую лодку. Лодка получилась совсем небольшой, на такой и рыбу то можно ловить лишь в озере. Каждый день ее нагружали рыбой, так что она вся ею пропахла.

А третье дерево распилили на брусья и сложили на складе.

Много-много дней и ночей миновало. Деревья оставили свои мечты.

Но первое дерево научилось радоваться, когда к кормушке подбегали овечки, кроткие и немного смешные.

Второе дерево только ждало, когда рыбаки вернутся на берег, где их уже поджидали дети, которые весело разбирали то, что было поймано.

А третье дерево говорило себе: «Значит, я негодно ни на что хорошее...».

Но как-то в одну из ночей свет звезды осиял первое дерево и в кормушку для скота вдруг положили Младенца.

Мать Младенца улыбнулась. «Эти ясли прекрасны», – сказала Она.

В другой вечер усталый Путник и Его друзья вошли в старую рыбачью лодку. Путник уснул. Внезапно налетела буря. Второе дерево содрогалось всеми своими тоненькими досками. Оно знало, что у него не хватит сил бороться. Но Путник проснулся. Он встал, простер Свою руку и сказал: «Умолкни, перестань». И буря тотчас успокоилась.

Пришел день, это было в пятницу утром, третье дерево потревожили, когда брусья, нарезанные из него, вытащили из забытого штабеля.

Оно вздрагивало, когда его проносили сквозь разгневанную, глумящуюся толпу. Оно содрогалось, когда к нему прибивали Человека и на землю стекала Кровь.

Но воскресным утром взошло солнце, и земля поколебалась от радости. Тогда третье дерево узнало, что Любовь Божия изменила весь мир.

Любовь из кормушки для скота сделала колыбель для Спасителя мира.

Любовь рыбацкую лодку сделала могучей, и она послужила Царю всей вселенной.

Любовь сделала так, что всякий раз, когда люди думают о третьем дереве, они думают о Боге.

Просьба не использовать газету в хозяйственных целях

Просим имеющих возможность оказать благотворительную финансовую помощь на издание альманаха «Задонский паломник». Деньги высылать на адрес монастыря с пометкой: «На издание "Задонского паломника"».

Желающим можем высылать альманах «Задонский паломник» по почте. Для этого просим присылать свои заявки на адрес монастыря с пометкой: «Для "Задонского паломника"».

При перепечатке ссылка на "Задонский паломник" обязательна

399200, Липецкая обл., г. Задонск, ул. Коммуны, 14,
Задонский Рождество-Богородицкий мужской монастырь, тел. 2-49-55
выходит с 2000 г. *Тираж 990 экз.*

Весна. – С картины В. П. Овсяникова

Великий пост уже при дверех,
Прощеный день пришел к концу,
Возвысим ум и сердце, вверив
Себя Небесному Отцу.

Вот завтра колокол уныло
Весть покаянья принесет
И нерадивых и ленивых
Во храм Господень позовет...

И мы пойдем на зов священный...
Там на дороге и в слезах,
Как мытарь долу преклоненный,
Восплачем горько о грехах.